

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

ДРАКУЛА

Глава первая	13
Глава вторая	24
Глава третья	35
Глава четвертая	46
Глава пятая	56
Глава шестая	63
Глава седьмая	72
Глава восьмая	82
Глава девятая	94
Глава десятая	104
Глава одиннадцатая	115
Глава двенадцатая	125
Глава тринадцатая	138
Глава четырнадцатая	148
Глава пятнадцатая	160
Глава шестнадцатая	171
Глава семнадцатая	179
Глава восемнадцатая	188
Глава девятнадцатая	203
Глава двадцатая	212
Глава двадцать первая	221
Глава двадцать вторая	234
Глава двадцать третья	244
Глава двадцать четвертая	255
Глава двадцать пятая	265
Глава двадцать шестая	277
Глава двадцать седьмая	290
Заметка	302

НАВЕКИ ВАШ, ДРАКУЛА...

От издателя	304
Предисловие	304

Гость Дракулы	305
Дом прокурора	318
Скво	337
Тайна золотистых прядей.	350
Цыганское пророчество	364
Возвращение Абея Бегенны	374
Крысы-могильщики	391
Окровавленные руки.	415
Крукенские пески	424
Вместо послесловия. <i>Интервью с Брэмом Стокером</i>	444

То вечно должен ты вокруг
Престола Иблиса кружиться,
И будет грудь гореть огнем...
Нет, о страдании твоём
Пересказать не хватит силы.
Но перед этим из могилы
Ты снова должен выйти в мир
И, как чудовищный вампир,
Под кровлю приходишь родную —
И будешь пить ты кровь живую
Своих же собственных детей.
Во мгле томительных ночей,
Судьбу и небо проклиная,
Под кровом мрачной тишины
Вопьешься в грудь детей, жены,
Мгновенья жизни сокращая.
Но перед тем, как умирать,
В тебе отца они признавать
Успеют.

Г. Г. Байрон¹

ВВЕДЕНИЕ

Ирландский английский писатель, журналист и театральный критик Абрахам Стокер родился в Клонтарфе. В те времена это была небольшая деревня в трех милях от Дублина. Автор «Дракулы» вырос в протестантской семье государственного служащего офиса Главного секретаря в Дублинском замке. Абрахам был третьим из семи детей, старшим из которых был Торнли Стокер, ставший впоследствии очень известным хирургом.

Все родные называли будущего писателя Брэмом, к этому имени он привык и впоследствии именно так подписывал свои литературные произведения. До семи лет он страдал неизвестной болезнью, был парализован и не мог ходить, но затем недуг неожиданно отсту-

¹ Перевод С. Ильина.

пил. В 1859-м он поступил в частную школу. С 1864 по 1870 год учился на факультете математики и естественных наук в Тринити-колледже (часть Дублинского университета). Во время учебы вступил в «Философское общество», а вскоре и вовсе стал его председателем. Помимо этого, он активно занимался спортом, в особенности греблей и плаванием. Спустя много лет эти навыки пригодились ему, Брэм Стокер спас человека, тонущего в мутных водах Темзы, за что был впоследствии награжден медалью.

В мае 1871 года писатель, по примеру отца, поступил на государственную службу в резиденцию вице-короля клерком мелких сесий. И тогда же страстно увлекся театром, стал публиковать статьи с критикой постановок в газете «Dublin Evening Mail», затем обратился к жанру малой прозы. Его жизнь коренным образом перевернулась после знакомства в декабре 1876 года со знаменитым английским актером Генри Ирвингом. Стокер дал очень благожелательную оценку о его роли Гамлета в Королевском театре в Дублине, тот в свою очередь пригласил рецензента на обед. Вскоре они сделались приятелями, а в конце 1878-го года их дружба переросла в бизнес-сотрудничество. Генри Ирвинг предложил другу стать распорядителем его театра «Лицеум». Писатель принял это предложение. Вместе со своей юной женой Флоренс Бэлкомб он переехал в Лондон и приступил к работе в театре.

В 1880–90-х писатель активно путешествовал вместе со своим театром, благодаря чему стал вхож в лучшие дома Америки, познакомился с выдающимися людьми своей эпохи: сэром Артуром Конан Дойлом, Джеймсом Уистлером, возобновил знакомство с Оскаром Уайльдом, с которым учился в университете.

Свои литературные опыты Стокер начал еще в 1870-х, публиковал статьи, заметки и короткие рассказы. Некоторые рассказы печатались без подписи автора, поэтому до сих пор исследователи находят все новые заметки, принадлежащие перу мастера.

Первый роман Стокер опубликовал в 1875 году. Это произведение рассказывало о чересчур усердном плотнике, который устраивается на работу в театр и постепенно начинает сходить с ума. Долгое время текст романа считался утерянным, однако в конце XX века он нашелся и стал известен публике под названием «Тропа меж примул». Ни этот, ни несколько последующих романов автора не принесли ему славы и денег, однако, литературные опыты помогли ему наладить связи в книгоиздательском бизнесе. В 1890-х Стокер вместе со своим приятелем Уильямом Хейнманом открыл небольшое издательство, в рамках работы которого они стали публиковать дешевые издания популярных авторов, в том числе Стокер издавал и свои произведения. Предприятие просуществовало недолго, но постепенно к Стокеру стала приходить кое-какая известность.

АБРАХАМ «БРЭМ» СТОКЕР (1847—1912)

Ирландский писатель, романист и автор коротких рассказов, театральный критик. Наиболее известен как автор готического романа ужасов 1897 года «Дракула». При жизни его знали как персонального менеджера актёра Генри Ирвинга и директора-распорядителя известного и одного из старейших лондонских театров «Лицеум».

«Сумасшествие легче перенести, чем такую действительность...»

(Брэм Стокер)

Задумка написать роман о вампире пришла к Стокеру на отдыхе. Он стал изучать мифы и легенды, посвященные этим существам, и вскоре родилась идея написать роман с черновым названием «Восставший из мертвых». Впоследствии Стокер решил сократить название до одного слова: «Восставший». Незадолго до публикации автор вновь передумал и дал роману новое название: «Нежить». Предполагалось, что именно под этим названием роман и будет опубликован, лишь в последний момент все решили переиграть. Стокер очень переживал по поводу выхода новой книги, предчувствуя, что она наконец подарит ему долгожданное признание. Как театральный деятель, Стокер прекрасно понимал, сколь выигрышно будет смотреться пьеса на основе сюжета «Дракулы», поэтому даже решился на авантюру и взялся переделать роман в пьесу, чтобы поставить ее на сцене своего театра. Таким образом он хотел привлечь к своей работе дополнительное внимание, а также защитить авторские права. Пьеса была плохо проработана, автору явно не хватило времени на эту переделку, но Стокер все же решился явить постановку на строгий суд зрителя. Это был ужасный провал, даже лучший друг писателя Генри Ирвинг, раскритиковал эту работу и попросил друга больше не отнимать хлеб у драматурга.

26 мая 1897-го года в издательстве «Archibald Constable and Company» в Вестминстере вышел и поступил в продажу роман Брэма Стокера «Дракула», над которым автор работал несколько лет. Удивительно, но мнение критики по поводу этого романа разделилось. Одни считали Стокера достойным продолжателем дела Мэри Шелли, другие же считали, что роман Ричарда Марша «Жук», вышедший в то же время, имеет куда более серьезные шансы на успех. Роман «Дракула» полюбился читателю, то и дело его переводили на другие языки мира, публиковали в разных странах, но это была вовсе не та слава, о которой мечтал Стокер. Лишь мать писателя по достоинству оценила новый роман сына: «Дорогой, это великолепно, и это тысяча миль от всего, что ты написал раньше, и я уверена, что тебя очень высоко ценят, и ты станешь в один ряд с писателями своего времени».

В 1900-х годах в жизни писателя произошла череда трагических событий. Друг и начальник Стокера Генри Ирвинг обанкротился, из-за чего пришлось закрыть театр. Мать Стокера скончалась после продолжительной болезни. Умер Оскар Уайльд, с которым автор «Дракулы» дружил еще со студенческих лет. Все это повергло писателя в черную депрессию, лекарством от которой служило лишь писательство. Он стал публиковать романы, которые весьма сдержанно принимались публикой, но помогали Стокеру сводить концы с концами.

В 1905-м году умер Генри Ирвинг, лучший друг и соратник писателя. Его смерть подкосила Стокера окончательно: с писателем случился удар, после которого он не мог оправиться несколько месяцев. Спустя некоторое время случился рецидив, за которым последовал паралич. Чтобы отвлечься от весьма печальной действительности, Стокер принялся за написание воспоминаний о Генри Ирвинге. Спустя какое-то время книга «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» принесла Стокеру славу и деньги, хотя и вызвала несколько противоречивые отзывы из-за чересчур личного повествования. Здоровье писателя начало медленно восстанавливаться, и нужно было заботиться о хлебе насущном. Писатель устроился в несколько газет, стал активно публиковать статьи, заметки и приключенческие романы.

В 1911-м году финансовые трудности вновь нагнали писателя. Стокеру даже пришлось обратиться в Королевский литературный фонд с просьбой о финансовой поддержке. Прошение было удовлетворено, а деньги от полученного гранта пошли на погашение долгов и написание своего последнего романа: «Логово белого червя».

В начале 1912-го года глубоко больной Брэм Стокер скончался на St George's Square в Лондоне. В свидетельстве о смерти была указана причина кончины писателя — переутомление. Поговаривали, что причиной смерти был третичный сифилис, но никаких фактических доказательств этому не было.

Через два года вдова Флоренс Стокер, которой после смерти осталось небольшое наследство от мужа в размере 4 664 фунтов, к годовщине его смерти издала сборник из девяти рассказов «Гость Дракулы» и другие странные истории» (1914). В нём было четыре ранее не издававшихся рассказа, один из которых, давший заголовков всему сборнику, был начальной главой романа «Дракула», которая не была включена в первое издание. Лишь спустя несколько лет после смерти Стокера нагнала настоящая мировая слава, о которой он мечтал всю свою жизнь.

Семь лет прошло с тех пор, как окончились наши злоключения, и теперь мы вознаграждены счастьем за прошлую боль. Еще более радостно для Мины и меня, что наш мальчик родился того же числа, когда умер Квинси Моррис. Я знаю, моя жена надеется, что к сыну перейдет частица возвышенной и мужественной души этого человека. Назвали мы его Квинси.

Этим летом мы отправились в Трансильванию и побывали в тех местах. Было почти невозможно поверить в то, что все происшедшее тогда с нами — правда. Мы постарались вычеркнуть эти воспоминания из памяти. Замок все еще стоит, возвышаясь над запустением.

Когда мы вернулись, то стали вспоминать былые времена, которые сейчас уже не вызывают ужаса. Я достал бумаги из сейфа, где они лежали с тех самых пор. И как же мы были поражены, когда увидели, что из всей груды отпечатанных на машинке страниц лишь мои позднейшие дневники, записные книжки Мины и Сьюарда и меморандум Ван Хельсинга являются действительно документальным подтверждением всего пережитого нами. Мы с трудом могли поверить в то, что это единственные факты безумной истории. Ван Хельсинг подвел итог, усадив нашего сына к себе на колени:

— Нам не нужны доказательства! Мы никого не просим верить нам! В один из дней этот мальчик откроет, какая бесстрашная у него мать. Пока что он знает только ее заботу и ласку, но позже поймет, почему несколько мужчин любят ее больше жизни.

Джонатан Харкер

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дневник Джонатана Харкера

(записано стенографически)

3 мая

Выехал из Мюнхена 1 мая в 8 часов 35 минут вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6 часов 46 минут, но поезд опоздал на час. Будапешт, кажется, удивительно красивый город; по крайней мере такое впечатление произвело на меня то, что я мельком видел из окна вагона, и небольшая прогулка по улицам. Я боялся отдаляться от вокзала. У меня было такое чувство, точно мы покинули запад и оказались на востоке, а самый западный из великолепных мостов через Дунай, который достигает здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о том, что мы находимся недалеко от Турции. Выехали мы своевременно и прибыли в Клаузенберг¹ после полуночи. Я остановился на ночь в гостинице «Руаяль». К обеду или, вернее, к ужину подали цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем — прекрасное оригинальное блюдо, но сильно возбуждающее жажду.

(Примечание: надо взять рецепт для Минь.)

Я пришел к заключению, что как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Право, не знаю, как бы я обошелся без них. Во время моего последнего пребывания в Лондоне я воспользовался свободным временем, чтобы посетить Британский музей², где рылся в книгах и атласах книжного отдела Трансильвании; мне казалось, что впоследствии, при моем сношении с магнатами этой страны, всякая мелочь может пригодиться. Я выяснил, что интересовавшая меня область лежит на крайнем востоке страны, как раз на границах трех областей: Трансильвании, Молдавии и Буковины³, посреди Карпатских гор; я убедился, что это

¹ Клаузенбург — город на северо-западе современной Румынии.

² Британский музей — главный историко-археологический музей Британской империи. Был создан в 1753 г. на основе частных коллекций.

³ Буковина (буквально «страна бука») — историческая область в Восточной Европе.

одна из самых диких и малоизвестных частей Европы и никакие географические карты и другие источники не могли мне помочь определить местоположение «Замка Дракулы», так как до сих пор нет подробной географической карты этой области. Но все же мне удалось узнать, что почтовый город Быстрица — упомянутый графом Дракулой — существует на самом деле. Здесь я внесу кое-какие примечания, дабы впоследствии, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии и пребывании в этих краях, восстановить в памяти все виденное мною. Трансильвания населена четырьмя различными народностями: саксонцами¹ — на севере, валахами² — на юге, мадьярами³ — на западе и секлерами⁴ — на востоке и северо-востоке. Я нахожусь среди последних. Они утверждают, что происходят от Атиллы и гуннов⁵. Возможно, что так оно и есть, поскольку в XI веке, когда мадьяры завоевали страну, она была сплошь заселена гуннами.

Я где-то вычитал, что в недрах Карпатских гор зародились суевверные предания и легенды всего мира, как будто в них находится центр водоворота фантазии; если это так на самом деле, то мое пребывание здесь обещает быть очень интересным.

(Примечание: надо спросить об этом у графа.)

Я плохо спал, хотя кровать моя была довольно удобна; мне снились какие-то страшные сны. Какая-то собака всю ночь завывала под моим окном, что может быть и повлияло на эти сны, а может быть, «паприка⁶» всему виною, так как, хотя я выпил весь графин воды, все же не мог утолить жажды. Под утро я, по-видимому, крепко заснул, так как, чтобы добудиться меня, пришлось с полчаса неистово стучать в дверь. К завтраку подали опять «паприку», затем особую похлебку из кукурузной муки, так называемую мамалыгу⁷, и яйцообразные питательные плоды — Демьянку, начиненные мел-

¹ Саксонцы, или саксы, — древнегерманское племя. Саксы в V в. н. э. разделились на две части: одни пошли на юг, в Германию, а другие — на запад, в Британию.

² Валахи — название предков молдаван, румын и всего восточнороманского населения Балкан и Карпат начиная со Средневековья. Потомки даков.

³ Даки — группа фракийских племен, проживавших на востоке Балкан. Даки известны по греческим источникам начиная с V в. до н. э.

⁴ Секли, или секлеры, — мадьярское племя, проживавшее на территории Трансильвании. Со времен Средневековья известны как отважные воины, игравшие важную роль в венгерской армии.

⁵ Гунны — кочевой народ, вторгшийся в 70-х гг. IV в. из Азии в Восточную Европу. Вторжение гуннов положило начало Великому переселению народов.

⁶ Паприка гендл — распространенное на территории Австро-Венгрии блюдо из курицы, тушеной кусками в соусе из лука, сладкой паприки и сметаны.

⁷ Мамалыга и имплетата — блюда традиционной балканской кухни.

конарубленным мясом — превосходное блюдо; называется оно «им-плетата».

(Примечание: необходимо раздобыть этот рецепт тоже.)

Мне пришлось поторопиться с завтраком, так как поезд отходил за несколько минут до 8-ми; вернее, он должен был отойти в это время, но когда я, примчавшись на станцию в 7 часов 30 минут, сел в вагон, выяснилось, что ранее половины девятого поезд и не подумал трогаться. Мне кажется, чем дальше к Востоку, тем менее точны поезда. Что же делается в таком случае в Китае? Воображаю...

В продолжение всего следующего дня мы любовались мелькавшими перед нами картинами, полными разнообразной красоты. Мимо пронеслись то маленькие города или замки на вершинах крутых холмов, похожие на те, которые встречаются на гравюрах в старинных книгах Св. Писания; то бурные потоки и реки, окаймленные белыми каменными берегами. На каждой станции толпилась масса людей в разнообразнейших нарядах.

К вечеру мы добрались, наконец, до Быстрица, оказавшегося очень интересным старинным уголком.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая Корона», которая оказалась, к моему большому восторгу, выдержанной в старинном стиле; моим самым пламенным желанием было видеть все то, что могло бы дать мне верное представление о стране. По-видимому, меня здесь ожидали, так как в дверях мне встретилась веселая на вид, пожилая женщина, одетая в обычный национальный крестьянский костюм: в белую юбку с двойным длинным передником из цветной шерстяной материи. Когда я подошел, она поклонилась и спросила: «Господин англичанин?»

«Да, — ответил я, — Джонатан Харкер». Она улыбнулась и что-то сказала человеку в жилете, стоявшему за ней тоже в дверях; он вышел и сейчас же вернулся с письмом в руках, которое передал мне. Вот оно:

«Мой друг, приветствую Вас в Карпатах! С нетерпением ожидаю Вас. Спите спокойно в эту ночь. Завтра в 3 часа дилижанс отправится в Буковину; одно место оставлено для Вас. В ущелье Борго Вас будет ожидать коляска, которая и доставит Вас в замок.

Я надеюсь, что Вы благополучно приехали из Лондона и что Вам доставит удовольствие пребывание в нашей великолепной стране.

Ваш друг, Дракула».

4 мая.

Хозяин гостиницы, должно быть, получил письмо от графа с поручением оставить для меня место в дилижансе; но на мои расспро-

сы он долгое время ничего не отвечал и делал вид, что не понимает моего немецкого языка. Это не могло быть правдой, так как раньше он прекрасно понимал его; по крайней мере в свое время на мои вопросы он отвечал. Хозяин и его жена поглядывали друг на друга и на меня с каким-то страхом. Наконец, он пробормотал, что деньги были посланы в письме, и что больше он ничего не знает. Когда я спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли что-нибудь рассказать о замке, то он и его жена перекрестились и, сказав, что они ровно ничего не знают, просто-напросто отказались от дальнейших разговоров. Вскоре мне пришлось отправиться в путь, а я так и не сумел никого расспросить. Все это было очень таинственно и отнюдь не действовало на меня ободряюще. Перед самым отъездом ко мне вошла жена хозяина — пожилая дама — и нервно спросила: «Вам непременно нужно ехать, о молодой господин? Вам это необходимо?» Она была в таком возбуждении, что, по-видимому, забыла и тот маленький запас немецких слов, который знала, и применивала к немецкой речи другой язык, которого я совершенно не знал. Я мог следить за смыслом ее речи только благодаря тому, что задавал много вопросов. Когда я сказал, что должен сейчас же ехать, что меня призывает туда важное дело — она меня опять спросила: «Знаете ли вы, что за день сегодня?» Я ответил, что сегодня 4 мая; она покачала головой и сказала опять: «О, да. Я это знаю, я это знаю. Но знаете ли вы, что за день сегодня?» Видя, что я понятия не имею, в чем дело, она продолжала: «Сегодня канун Святого Георгия. Разве вы не знаете, что сегодня ночью, лишь только пробьет полночь, нечистая сила будет владствовать на земле? А имеете ли вы представление о том, куда вы едете и что вас там ожидает?» Она сильно сокрушалась, и как я ни старался ее утешить, все было безуспешно. В заключение она упала передо мной на колени и начала умолять не ехать туда; или, по крайней мере, переждать день-два. Все это было в достаточной мере смешно, да к тому же я неважно себя чувствовал; тем не менее меня призывали важные дела, и я не мог допустить, чтобы на мой отъезд влияли какие-то бредни. Поэтому я поднял ее с колен и как можно строже сказал, что благодарю за предостережение, но должен ехать. Тогда она встала и, вытерев глаза, сняла со своей шеи крест и предложила мне надеть его. Я не знал, как поступить, так как, будучи членом англиканской церкви¹, с детства привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство, но я боялся, чтобы мой отказ не показался оскорбительным для пожилой дамы, которая была столь благожелательно настроена ко мне, и колебался, не зная, как поступить. Заметив мою нерешительность,

¹ Англиканская церковь, или англиканство, — одно из направлений христианства, появившееся в ходе английской Реформации.

она просто надела мне крест на шею, сказав: «Во имя вашей матери». Вношу это в дневник в ожидании кареты, которая, конечно, запаздывает; а крест так и остался у меня на шее. Не знаю, страх ли пожилой дамы или те многочисленные рассказы о привидениях, которые господствуют в этой местности, или сам крест тому виною — не знаю, но я не чувствую себя так свободно, как всегда. Если этой книге суждено увидеть Мину раньше меня, то пусть она передаст ей мой последний привет. Вот и карета.

5 мая. В замке.

Серое утро сменилось ярким солнцем, высоко стоящим над горизонтом, который кажется зубчатым. Я не знаю, деревья или холмы придают ему такую форму — все так далеко, что большие и маленькие предметы сливаются. Не хочется спать, а так как меня не позовут, пока я сам не проснусь, то я буду писать, пока не засну. Здесь происходит масса странных явлений, которые нужно отметить, но чтобы читатель не вообразил, что я опять слишком хорошо пообедал и поэтому галлюцинирую из-за тяжести в желудке, я подробно опишу свой обед. Мне подали блюдо, которое здесь называется разбойничьим жарким: куски мяса и сала с луком, приправленные паприкой, — все это жарится прямо на углях, так же как в Лондоне кошацье мясо. Вино подали «Золотой медок», странно щиплющее язык, но в общем не неприятное на вкус; я выпил всего только пару бокалов этого напитка и больше ничего. Когда я сел в карету, то кучер еще не занял своего места, и я видел, как он беседовал с хозяйкой. Они, наверное, говорили обо мне, так как то и дело поглядывали в мою сторону; несколько соседей, сидевших на скамьях около дверей, подошли к ним, прислушались к беседе и тоже посмотрели на меня, причем большинство с чувством сострадания.

Я мог расслышать массу слов, которые они часто повторяли, — странные разнообразные слова, должно быть, на разных наречиях, так как в толпе были люди различных национальностей; я незаметно вытащил из сумки свой многоязычный словарь и начал отыскивать слова. Нельзя сказать, чтобы найденные слова звучали особенно ободряюще; вот значение большинства из них: «ordog» — дьявол, «роко!» — ад, «stregoica» — ведьма, «vrolok» и «vlkoslak» — значение обоих слов одно и то же, но одно по- словацки, а другое по-сербски, обозначает что-то среднее между оборотнем и вампиром.

(Примечание: я должен подробно узнать у графа об этих суевериях.)

Когда мы двинулись в путь, то вся толпа высыпала к дверям гостиницы и все осенили себя крестным знаменем, причем два пальца были направлены в мою сторону. С большими трудностями я до-

бился от одного из моих спутников объяснения, что все это значит; сначала он не хотел мне отвечать, но узнав, что я англичанин, объяснил, что это служит как бы талисманом и защитой от дурного глаза. Такое поведение мне не особенно понравилось, так как я ехал в незнакомое место, чтобы встретиться с незнакомым человеком; но, говоря правду, каждый из них был до того искренен, до того чистосердечно огорчен и высказывал мне столько симпатии, что я невольно был тронут. Покрыв широким холстом сидение, наш кучер ударил своим длинным бичом по четырем маленьким лошадам, которые дружно стронули омнибус с места и — наше путешествие началось.

Вскоре я совершенно позабыл о страхе перед привидениями, невольно залюбовавшись красотой природы. Перед нами расстилась зеленая, покрытая лесами и дубравами местность; то здесь, то там вздымались крупные холмы, увенчанные группами деревьев или же фермами, белые остроконечные края крыш которых были видны с дороги. Везде по дороге встречались в изобилии всевозможные фруктовые деревья в цвету — груши, яблони, сливы, вишни, и проезжая мимо, я ясно видел, как трава под фруктовыми деревьями была сплошь усеяна опавшими лепестками.

Посреди этих зеленых холмов пробегала дорога, то изгибаясь и кружась, то свободно и широко вновь появляясь у опушки сосновых лесов. Дорога была неровная, но тем не менее мы неслись по ней с невероятной, прямо феерической скоростью. Тогда я не понимал причины этой быстроты; по-видимому, кучеру был отдан приказ не терять времени и поспеть в определенный час в ущелье Борго. За зелеными волнистыми холмами возвышались цепи Карпатских гор, покрытые могучими лесами. Они возвышались по обе стороны ущелья Борго, ярко озаренные заходящим солнцем, отливая всеми цветами радуги: темно-голубым и пурпурным цветом сияли вершины, зеленым и коричневым — трава на скалах; а бесконечно тянувшаяся перспектива зубчатых скал и заостренных утесов предстала перед нашими взорами, покрытая величественными снежными вершинами ослепительно белого цвета. Мы продолжали наше бесконечное путешествие, а солнце за нашей спиной спускалось все ниже и ниже, и вечерние тени начали расстилаться вокруг.

Местами холмы были до того круты, что несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел, как это принято у нас дома, сойти и помочь лошадям, но кучер и слышать об этом не хотел. «Нет, нет, — говорил он, — вы не должны здесь ходить, тут бродят слишком свирепые собаки и затем, — добавил он, по-видимому шутки ради, так как обернулся к остальным пассажирам, рассчитывая на ободряющую улыбку, — вам и так придется достаточно подождать, прежде чем удастся уснуть». Он только раз остановился, и то лишь затем, чтобы зажечь фонари.

Когда начало темнеть, пассажиры заволновались и один за другим стали обращаться к кучеру с просьбой ехать быстрее. Ударом своего длинного бича и дикими криками кучер заставил лошадей положительно лететь. Затем сквозь темноту я увидел над нами какой-то серый свет — как будто расщелина в холмах. Волнение среди пассажиров все увеличивалось; наша шаткая коляска подсакивала на своих больших кожаных рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, и мы понеслись по ней. Потом горы приблизились к нам совершенно вплотную, и мы наконец въехали в ущелье Борго. Все пассажиры один за другим принялись наделять меня подарками; они давали их с такой настойчивостью, что я действительно был лишен возможности отказаться; каждый при этом искренне верил, что подарки избавят меня от дурного глаза, каждый из них меня еще благословлял и крестил, точно так же, как на дворе гостиницы в Быстрице. Затем, когда мы помчались дальше, кучер наклонился вперед, а пассажиры, нагнувшись по обе стороны коляски, нетерпеливо вперили взоры в окружающую мглу. Ясно было, что впереди случилось или ожидалось что-то необыкновенное, хотя, сколько я ни расспрашивал пассажиров, никто не давал мне ни малейшего объяснения. Это состояние всеобщего волнения продолжалось еще некоторое время, пока наконец мы не увидели впереди выезда из ущелья. Было темно, надвигающиеся тучи и душный воздух предвещали грозу. Я внимательно всматривался в дорогу в ожидании экипажа, который повезет меня к графу. Каждую минуту я надеялся увидеть свет фонарей во мраке; но всюду было темно. Лишь в лучах фонарей омнибуса виднелся пар от наших загнанных лошадей, поднимающийся облаком. Теперь мы ясно могли рассмотреть растилающуюся перед нами белую песчаную дорогу, но на всем ее протяжении даже и намека не было на какой-нибудь экипаж. Пассажиры вновь спокойно уселись с явным выражением радости, точно в насмешку над моим разочарованием. Я задумался над тем, что предпринять, когда кучер, посмотрев на часы, сказал что-то другим, чего я, к сожалению, не смог понять, так как это было сказано очень тихо. Кажется он, сказал: «Часом раньше». Затем он повернулся ко мне и сказал на отвратительном немецком языке, еще хуже моего: «Нет никакой кареты. По-видимому, Господина не ожидают. Лучше пусть он поедет сейчас с нами в Буковину, а завтра возвратится обратно, или же на следующий день — даже лучше на следующий день». Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и дико рыть землю, так что кучеру пришлось их сдерживать, напрягая всю силу.

Вдруг, среди хора визгов и воплей пассажиров, осенявших себя крестным знаменем, позади нас показалась запряженная четверкой лошадей коляска, которая, догнав наш омнибус остановилась. Когда

лучи фонарей упали на нее, я увидел великолепных породистых вороних лошадей. На козлах сидел человек с длинной черной бородой, в широкой черной шляпе, которая скрывала его лицо. Я смог разглядеть блеск очень больших глаз, казавшихся красными при свете фонарей, когда он повернулся к нам. Он обратился к кучеру: «Ты что-то рано сегодня приехал, друг мой». Возница, заикаясь, ответил:

— Господин англичанин очень торопился, — на что незнакомец возразил:

«Потому-то ты, вероятно, и посоветовал ему ехать в Буковину! Меня не обманешь, друг мой; я слишком много знаю, да и лошади у меня быстрые». При этом он улыбнулся, и луч фонаря осветил его холодный, жестокий рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих спутников шепотом прочел своему соседу строфу из Леоноры Бургера:

«Так, как быстро скачет смерть».

Незнакомец, очевидно, расслышал эти слова, поскольку взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осеня себя крестным знамением. «Поддай мне багаж господина», — сказал незнакомец, и с необычайной быстротой мои вещи были вынуты из дилижанса и переложены в коляску. Затем я вышел, но так как коляска была закрыта, кучер помог мне взобраться, подхватив меня под локоть стальной рукою, — по-видимому, сила у него была необычайная. Молча дернул он возжами, лошади повернули, и мы понеслись во мраке ущелья. Когда я оглянулся, то заметил при свете фонарей лошадей дилижанса, а оглянувшись вторично, увидел, как мои прежние спутники перекрестились, затем кучер щелкнул бичом, окликнул своих лошадей, и они помчались дорогой в Буковину. Как только они канули во мрак, меня охватило чувство одиночества и странный озноб; но на плечи сейчас же был накинут плащ, колени укрыты толстым шерстяным одеялом, и кучер обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

— Ночь холодна, сударь, а господин мой, граф, просил окружить вас вниманием. Под сидением приготовлена для вас фляжка сливянки — нашей национальной водки; если захотите, то легко ее достанете.

Я не коснулся ее, но приятно было сознавать, что она под рукой. Я чувствовал себя немного странно, но не ощущал никакого страха и не сомневаюсь, что имея возможность выбирать, без сомнения предпочел бы остановку этому ночному путешествию по неведомым дорогам. Коляска повернула на какую-то извилистую жесткую дорогу, тянувшуюся довольно долго, потом мы круто повернули и попали опять на прямую дорогу. Мне казалось, что мы попросту кружимся на одном месте; желая проверить свое впечатление, я отме-

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник — Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Коляска повернула на какую-то извилистую жесткую дорогу, тянувшуюся довольно долго, потом мы круто повернули и попали опять на прямую дорогу...»

тил в уме определенную точку и убедился, что это так. Мне очень хотелось спросить кучера, что это значит, но я положительно боялся так поступить, ибо в моем положении протест ни к чему не привел бы, раз это делалось умышленно. Некоторое время спустя мне захотелось узнать, который теперь час, я чиркнул серной спичкой и при свете ее взглянул на часы; была полночь без нескольких минут; это неприятно подействовало на меня. Я ждал чего-то с болезненной нерешительностью.

Вдруг где-то вдали на ферме завывала собака — длинный тягучий жалобный вой, наполненный страхом. Ей ответила другая собака, затем третья, четвертая — наконец эти звуки слились в дикое бешеное завывание, исходившее, казалось, из каждой точки окрестности. При первых звуках волнение лошадей достигло чрезвычайных размеров, и кончилось тем, что они начали становиться на дыбы, но кучер ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя и продолжали дрожать, трясаясь от какого-то непонятного мне испуга. Потом далеко за горами, по обе стороны от нас, снова раздался еще более громкий и пронзительный вой, — на этот раз уже вой волков, который повлиял одинаково как на меня, так и на лошадей: мне захотелось выпрыгнуть из коляски и удрать, а лошади опять взвились на дыбы и сейчас же рванулись вперед, так что кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдерживать их. Через несколько минут, однако, мое ухо привыкло к вою, и лошади успокоились настолько, что кучер смог сойти и стать перед ними. Он их ласкал, успокаивал и шептал что-то на ухо, т. е. употреблял все приемы, которые как я и слышал, пускаются в ход укротителями лошадей, причем успех был необычайный, и лошади опять стали смиренными, хотя и продолжали дрожать. Кучер снова уселся на козлы и, взяв вожжи, тронулся в путь крупной рысью. Наконец, оставив ущелье, он внезапно свернул на узкую темную дорогу, которая резко уходила вправо. Вскоре мы оказались окруженными деревьями, которые местами образовывали свод, так что мы проезжали как бы сквозь туннель; а потом опять перед нами с двух сторон открылись мрачные утесы. Хотя мы были под их защитой, но все же слышали завывание ветра, который со стоном и свистом проносился по утесам, ломая ветви деревьев. Становилось все холоднее и холоднее, и наконец пошел сильный снег, который вскоре покрыл и нас и все окружающее белой пеленой. Резкий ветер доносил до нас лай собак, который, однако, становился все слабее по мере нашего удаления. Зато вой волков раздавался все ближе и ближе, и казалось, что мы были окружены ими со всех сторон. Мне стало невероятно страшно, и лошади разделяли мой испуг, но кучер не выказывал ни малейшей тревоги. Он продолжал свой путь, поворачивая голову то

налево, то направо, что меня очень удивило, так как я не мог ничего различить во мраке.

Вдруг слева показался слабый мерцающий огонек. Кучер моментально заметил его; он сейчас же сдержал лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во мраке. Я не знал, что делать, тем более, что вой волков почему-то ослабевал, но пока я недоумевал, кучер неожиданно вернулся и, ни слова не говоря, уселся на место, и наше путешествие продолжалось. Мне кажется, что дальнейшие события я видел во сне, так как этот эпизод беспрерывно повторялся, и теперь, оглядываясь мысленно назад, я думаю, что это было больше похоже на ужасный ночной кошмар, чем на действительность. Как-то раз огонек показался так близко от дороги, что несмотря на полный мрак, окружающий нас, я мог совершенно ясно различить все движения кучера. Он быстро направился к месту появления голубого огонька и стал делать движения, точно горстями собирал огонь и укладывал его на камни, образуя этим как бы преграду; странно было только то, что вокруг этого пламени не было никакого освещения — по-видимому, огонек был очень слабый. При этом произошел странный оптический обман: когда кучер стоял между мною и огоньком, он не заслонял собою этого пламени, и я продолжал, видеть это мрачное мерцание как бы сквозь тело кучера. Это явление поразило меня, но поскольку все продолжалось лишь мгновение, я решил, что это обман зрения, утомленного напряжением глаз в абсолютной тьме. Потом на время мерцание синего пламени прекратилось, и мы поспешно двигались вперед во мрак, под удручающий аккомпанемент воя волков, которые окружали нас со всех сторон. Наконец, при последнем появлении мерцающего огонька, кучер отошел очень далеко, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, все время фыркая и трясясь от страха. Я никак не мог понять причины, так как вой волков совсем прекратился; но в тот же момент я при свете луны, показавшейся сквозь темные облака, увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами, с высунутыми красными языками, длинными мускулистыми ногами, покрытыми грубой шерстью. Они были во сто раз страшнее теперь, в охватившем их ужасном молчании, даже страшнее, чем тогда, когда выли. Что касается меня, то я от страха не мог двинуть ни рукой, ни ногой, и потерял голос. Всю силу такого страха человек может понять, только очутившись лицом к лицу с таким ужасом.

Вдруг волки снова пронзительно завывали, как будто лунный свет производил на них какое-то особенное действие. Лошади подскакивали и брыкались, но живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон и поневоле заставляло оставаться в центре его. Я окликнул кучера; мне казалось, что единственным спасением для нас было бы

прорваться сквозь кольцо с его помощью. Я кричал и стучал, надеясь этим шумом напугать волков и дать ему таким образом возможность добраться до нас.

Откуда он вдруг появился — я не знаю, но я услышал его голос, который прозвучал повелительным приказом, и посмотрев перед собою, я увидел его на дороге. Он протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосязаемое препятствие, и волки начали медленно отступать, но тут большое облако заволокло лик луны, и мы опять очутились во мраке.

Когда луна выглянула снова, я увидел кучера, взбиравшегося на сиденье; а волков и след простыл. Все это было так странно и необычайно, что я почувствовал безумный страх и боялся говорить и двигаться. Время тянулось бесконечно. Дальнейшее путешествие мы продолжали уже в совершенной тьме, так как пронесившиеся облака совсем скрывали луну. Мы продолжали подниматься в гору, только изредка периодически спускались, но потом опять все время поднимались. Я не помню, сколько времени это продолжалось...

Вдруг я почувствовал, что мы остановились. Мы были на дворе обширного, развалившегося замка, высокие окна которого были темны и мрачны, а обломанные зубчатые стены при свете луны вытянулись в зигзагообразную линию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я, должно быть, задремал, иначе, наверное, заметил бы приближение к такому замечательному месту. Во мраке двор казался обширным, но может быть он, как и некоторые темные дорожки, ведущие от него к большим круглым аркам, казался большим, чем был на самом деле. Я до сих пор еще не видел его при дневном свете. Когда коляска остановилась, кучер соскочил с козел, и протянул мне руку, чтобы помочь сойти. Тут я опять невольно обратил внимание на его необыкновенную силу. Его рука казалась стальными клещами, которыми при желании он мог раздавить мою ладонь. Затем он положил мои пожитки возле меня на выложенную массивными камнями площадку, на которую выходила громадная старая дверь, обитая большими железными гвоздями. Даже при тусклом освещении я заметил, что камни были стертые от времени и непогоды. Пока я стоял, кучер опять взобрался на козлы, тронул вожжами, лошади дернули и скрылись вместе с экипажем под одним из темных сводов. Я ос-

тался один среди двора в полном одиночестве и не знал, что предпринять. У дверей не видно было даже намек на звонок или молоток: не было также и надежды на то, чтобы мой голос мог проникнуть сквозь мрачные стены и темные оконные проемы. Мне стало казаться, что я жду здесь бесконечно долго, и меня начали одолевать сомнения и страх. Куда я попал? К каким людям? В какую ужасную историю я впутался? Было ли это обыкновенным простым приключением в жизни помощника адвоката, посланного для разъяснений по поводу приобретенного иностранцем в Лондоне недвижимого имущества! Помощник адвоката?.. Мне это звание ужасно нравится — да, я и позабыл, ведь перед самым отъездом из Лондона я узнал, что мои экзамены прошли успешно; так что, в сущности говоря, я теперь не помощник, а адвокат... Я начал протирать глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что не сплю. Все это продолжало казаться мне каким-то ужасным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома, совершенно разбитым, как это бывало иногда при напряженной мозговой работе. Но, к сожалению, мое тело ясно чувствовало щипки, и мои глаза не обманывали меня. Я действительно не спал, а находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ожидать наступления утра. Как только я пришел к этому заключению, я услышал приближающиеся тяжелые шаги за большой дверью и увидел сквозь щель мерцание света. Потом раздался звук гремящих цепей, шум отодвигаемых массивных засовов, и большая дверь медленно распахнулась. В дверях стоял высокий старик с чисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног во все черное. В руке старик держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или трубы и бросало длинные, трепещущие тени от сквозного ветра. Старик приветствовал меня изысканным жестом правой рукой и сказал мне на прекрасном английском языке, но с иностранным акцентом:

— Добро пожаловать в мой дом! Войдите в него свободно и по доброй воле.

Он не сделал ни одного движения, чтобы пойти мне навстречу, а стоял неподвижно, как статуя, будто жест приветствия превратил его в камень; но не успел я переступить порог, как он сделал движение вперед и, протянув мне руку, сжал мою ладонь с такой силой, что заставил меня содрогнуться — его рука была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, нежели живого человека. Он снова сказал:

— Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, идите без страха и оставьте нам здесь что-нибудь из принесенного вами счастья.

Сила его руки была настолько похожа на ту, которую я заметил у кучера, лица которого я так и не разглядел, что меня одолело со-

мнение, не одно ли и то же лицо — кучер и господин, с которым я в данный момент разговариваю; чтобы рассеять сомнения, я спросил:

— Граф Дракула?

Он ответил:

— Я — Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Войдите; ночь холодна, а вы нуждаетесь в пище и отдыхе.

Говоря это, он повесил лампу на крючок в стене и, ступив вперед, взял мой багаж. Он проделал это так быстро, что я не успел его упредить. Я тщетно попытался возразить.

— Нет, сударь, вы мой гость. Теперь поздно, и поэтому на моих людей рассчитывать нечего. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Он настоял на своем, понес мои пожитки по коридору и поднялся по большой винтовой лестнице, откуда мы попали в другой широкий коридор, где наши шаги гулко раздавались благодаря каменному полу. В конце коридора он толкнул тяжелую дверь, и я с наслаждением вошел в ярко освещенную комнату, где стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине весело потрескивали дрова.

Граф закрыл за нами дверь и, пройдя через столовую, открыл вторую дверь, которая вела в маленькую восьмиугольную комнату, освещенную одной лампой и, по-видимому, совершенно лишенную окон. Миновав ее, он снова открыл дверь в следующее помещение, куда и пригласил меня войти. Я очень обрадовался, увидев его: оно оказалось большой спальней, прекрасно освещенной, в которой тепло поддерживалось топившимся камином. Граф, положив собственноручно принесенные им вещи, произнес, прикрывая дверь перед уходом:

— Вы после дороги захотите, конечно, освежиться и переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое, а когда будете готовы, пройдите в столовую, где найдете приготовленный для вас ужин.

Освещение и теплота, а также изысканное обращение графа совершенно рассеяли все мои сомнения и страхи. Придя благодаря этому в нормальное состояние, я ощутил невероятный голод, поэтому, наскоро переодевшись, я поспешил в первую комнату. Ужин был уже подан. Мой хозяин, стоя у камина, грациозным жестом пригласил меня к столу:

— Надеюсь, вы меня извините, если я не составлю вам компании: я уже обедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо от мистера Хокинса. Граф распечатал его, прочел, затем с очаровательной улыбкой передал письмо мне. Одно место в нем мне в особенности польстило:

«Я очень сожалею, что приступ подагры¹, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринять какое бы то

¹ Подагра — заболевание суставов, проявляющееся острым артритом.

ни было путешествие; и я счастлив, что могу послать своего заместителя, которому я вполне доверяю. Это энергичный и талантливый молодой человек. Во все время своего пребывания у вас он будет к вашим услугам и весь в вашем распоряжении».

Граф подошел к столу, сам снял крышку с блюда — и я накинулся на прекрасно зажаренного цыпленка. Затем сыр и салат, да еще бутылка старого токайского вина¹, которого я выпил бокала два-три, — составили мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о моем путешествии, и я рассказал ему по порядку все, пережитое мною. Затем я придвинул свой стул к огню и закурил сигару, предложенную графом, который тут же извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его, и я нашел, что наружность графа заслуживает внимания.

У него было энергичное, оригинальное лицо, тонкий нос и какие-то особенные, странной формы ноздри; надменный высокий лоб, и волосы, скудно и в то же время густыми клоками росшие около висков; очень густые, почти сходящиеся на лбу брови. Рот, насколько я мог разглядеть под тяжелыми усами, был решительный, даже жестокий на вид с необыкновенно острыми белыми зубами, выступавшими между губами, яркая окраска которых поражала своей жизненностью у человека его лет. Но сильнее всего поражала необыкновенная бледность лица.

До сих пор мне удалось заметить издали только тыльную сторону его рук, когда он держал их на коленях; при свете горящего камня они производили впечатление белых и тонких; но, увидев их теперь вблизи, ладонями кверху, я заметил, что они были грубы, мясисты, с короткими толстыми пальцами. Особенно странно было то, что в центре ладони росли волосы. Ногти были длинные и тонкие, с заостренными концами. Когда граф наклонился ко мне и его рука дотронулась до меня, я не мог удержаться от содрогания. Возможно, его дыхание было тлетворным, потому что мною овладело какое-то ужасное чувство тошноты, которого я никак не мог скрыть. Граф, очевидно, заметил это, так как сейчас же отодвинулся; и с какой-то угрюмой улыбкой опять сел на свое прежнее место у камня. Мы оба молчали некоторое время, и когда я посмотрел в окно, то увидел первый проблеск наступающего рассвета.

Какая-то странная тишина царила всюду; но прислушавшись, я услышал где-то вдалеке как будто вой волков. Глаза графа засверкали, и он сказал:

¹ Токайское вино (от венг. Tokaji — горный массив в Венгрии и Словакии) — белые десертные вина золотистого цвета, приготовленные из плодов светлых сортов винограда, подвяленных на ветвях под солнечными лучами. Обладают привкусом изюма и специфическим букетом с медовым тоном.

— Прислушайтесь к ним, к детям ночи! Что за музыку они заводят! Заметь странное, должно быть для него, выражение моего лица, он прибавил:

— Ах, сударь, вы, городские жители, не можете понять чувство охотника! Но вы наверное устали. Ваша кровать совершенно готова, и завтра-вы можете спать, сколько хотите. Я буду в отсутствии до полудня; спите же спокойно — и приятных сновидений!

С изысканным поклоном он сам открыл дверь в мою восьмиугольную комнату и я прошел в спальню...

7 мая

Опять раннее утро. Вчера я спал до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, которое подогревалось, стоя на огне в камине. На столе лежала карточка с надписью:

«Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.»

Радуясь свободному времени, я уселся за еду. Позавтракав, я стал искать звонок, чтобы дать знать прислуге, что я окончил трапезу; но звонка нигде не оказалось. В замке, как видно, странные недостатки, особенно если принять во внимание чрезмерное богатство, окружающее меня. Столовая сервировка из золота, да такой великолепной выделки, что стоит, наверное, громадных денег. Занавеси, обивка стульев и кушетки — прекрасного качества и потребовало, без сомнения, баснословных затрат даже тогда, когда приобреталось, так как этим вещам много сот лет, хотя все сохранялось в идеальном порядке. Я видел нечто подобное в Хемпстонском дворце, но там все было порвано, потерто и изъедено молью. Но странно, что во всех комнатах отсутствовали зеркала. Даже туалетного зеркала не было на моем столике, и мне пришлось вынуть маленькое зеркальце из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, я не видел ни одного слуги и не слышал ни одного звука вблизи замка за исключением волчьего воя. Покончив с едой, я начал искать что-нибудь для чтения, так как без разрешения графа мне не хотелось осматривать замок. В столовой я ровно ничего не нашел — полное отсутствие книг, газет, даже всяких письменных принадлежностей; тогда я открыл другую дверь и вошел в библиотеку. В библиотеке я нашел, к великой моей радости, большое количество английских изданий — целые полки были полны книгами и переплетенными за долгие годы газетами и журналами. Стол посредине комнаты оказался завален английскими журналами, газетами, но лишь старыми номерами. Книги встречались разнообразнейшие: по истории, географии, политике, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению — все относящееся к Англии и английской жизни, обычаям и

нравам. Пока я рассматривал книги, дверь отворилась и вошел граф. Он радушно меня приветствовал, выразив надежду, что я хорошо спал в эту ночь. Затем продолжал:

— Я очень рад, что вы сюда зашли, так как убежден, что здесь найдется много интересного для вас материала. Они, — и граф положил руку на некоторые книги, — были мне преданными друзьями в течение нескольких лет, когда я еще и не думал попасть в Лондон; книги эти доставили мне много приятных часов. Благодаря им я ознакомился с вашей великой Англией; а знать — значит любить. Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего величественного Лондона, проникнуть в самый круговорот суеты человечества, участвовать в этой жизни и ее переменах, ее смерти, словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть. Но, увы! Пока я знаком с вашим языком лишь по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь и изъясняться по-английски как следует.

— Помилуйте, граф, ведь вы же великолепно владеете английским!

— Благодарю вас, друг мой, за ваше слишком лестное обо мне мнение, но все же я боюсь, что в знании языка нахожусь еще только на полпути. Правда, я знаю грамматику и слова, но я еще не знаю, как их произносить и когда какое употреблять.

— Уверяю вас, вы прекрасно говорите.

— Все это не то... Я знаю, что живи и разговаривай я в вашем Лондоне, всякий тотчас узнает во мне иностранца. Этого мне мало. Здесь я знатен; я — магнат; весь народ меня знает, и я — господин. Но иностранец на чужбине — ничто; люди его не знают, а не знать человека — значит не заботиться о нем. В таком случае я предпочитаю ничем не выделяться из толпы, чтобы люди при виде меня или слыша мою английскую речь не останавливались бы и не указывали на меня пальцами. Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или же по крайней мере устроиться так, чтобы никто не мог стать господином надо мною. Вы приехали сюда не только для того, чтобы разъяснить мне все относительно моего нового владения в Лондоне; я надеюсь, что вы пробудете со мною еще некоторое время, чтобы благодаря вашим беседам я привык и изучил разговорный язык. Поэтому я настаиваю и прошу вас исправлять мои ошибки в произношении наистрожайшим образом.

Я, конечно, сказал, что прошу его не стесняться меня, а затем попросил, пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

Он ответил:

— О, да... Вообще, вы можете свободно передвигаться по замку и заходить, куда вздумаете, за исключением тех комнат, двери которых заперты; впрочем, туда вы и сами, наверное, не захотите проникнуть. Есть уважительные причины для того, чтобы все было так

как есть, и если бы вы глядели моими глазами и обладали моим знанием, то без сомнения лучше бы все поняли.

Я сказал, что и не сомневался в этом, и он продолжал дальше:

— Мы в Трансильвании¹, а Трансильвания — это не Англия, наши дороги — не ваши дороги, и тут вы встретите много странностей. Ну, хотя бы из вашего короткого опыта во время поездки сюда, вы уже знаете кое-что о тех странных вещах, которые здесь могут происходить.

Это послужило началом длинного разговора; я задал ему несколько вопросов по поводу необычайных происшествий, участником которых я был или которые обратили на себя мое внимание. Иногда он уклонялся от вопроса, или же переводил беседу на другие темы, делая вид, что не понимает меня; но, в общем, он отвечал совершенно откровенно и подробно. Немного погодя, осмелев, я спросил его о некоторых странностях, происшедших прошлой ночью, например, почему кучер подходил к тем местам, где мы видели синие огни. Правда ли, что они указывают на места, где зарыто и спрятано золото? Тогда он мне объяснил, что простонародье верит, будто в определенную ночь в году — как раз в прошлую ночь — нечистая сила неограниченно господствует на земле, и тогда-то появляются синие огоньки в тех местах, где зарыты клады.

Затем мы перешли на другие темы.

— Давайте поговорим о Лондоне и о том доме, который вы для меня приобрели, — сказал он.

Извинившись за оплошность, я пошел в свою комнату, чтобы взять бумаги, относящиеся к покупке. В то время, как я вынимал их из чемодана и приводил в порядок, я слышал в соседней комнате стук посуды и серебра а, когда возвращался в библиотеку, то проходя через столовую, заметил, что стол был прибран, а комната ярко освещена лампами; уже темнело. Лампы горели и в библиотеке. Когда я вошел, граф очистил стол от книг и журналов, и мы углубились в чтение всевозможных документов, планов и бумаг. Он интересовался положительно всем и задавал мне миллиарды вопросов относительно местоположения дома и его окрестностей.

Очевидно, он раньше изучил все, что касалось приобретения, так как в конце концов выяснилось, что он обо всем знает гораздо больше меня. Когда я ему это заметил, он ответил:

— Да, друг мой, но разве это не естественно? Когда я туда отправляюсь, то окажусь в совершенном одиночестве, и моего друга Джонатана Харкера не будет рядом, чтобы поправлять меня и помо-

¹ Трансильвания (лат. Transsilvania — «Залесье») — историческая область на северо-западе Румынии. На протяжении тысячелетий этот регион не раз переходил из рук в руки.

гать мне. Он будет в Эксетере, на расстоянии многих миль, увлеченный, вероятно, изучением законов с другим моим другом, Питером Хокинсом. Не так ли?

Мы снова углубились в дело о покупке недвижимого имущества в Пэрфлите. Когда я изложил ему суть дела, дал подписать все нужные бумаги и составил письмо мистеру Хокинсу, он стал расспрашивать меня, каким образом удалось приобрести такой подходящий участок. На что я прочел ему все мои заметки, которые тогда вел. Вот они:

«В Пэрфлите, проходя по окольной дороге, я случайно набрел на участок, который как мне показалось, и был нужен нашему клиенту. Участок окружен высокой стеной старинной архитектуры, построенной из массивного камня и не ремонтированной уже много-много лет.

*Поместье называется Карфакс, должно быть, иско-верканное старое «*quatres faces*» — четыре фасада, так как дом четырехсторонний. В общем там около 20 акров земли, окруженных вышеупомянутой каменной стеной. Много деревьев, придающих поместью местами мрачный вид, затем имеется еще глубокий темный пруд или, вернее, маленькое озеро, питающееся, вероятно, подземными ключами, поскольку вода в нем необыкновенно прозрачна, а кроме того, оно служит началом довольно порядочной речки. Дом очень обширный и старинный, с немногими высоко расположенными окнами, загороженными тяжелыми решетками. Он скорее походит на часть тюрьмы и примыкает к какой-то старой часовне или церкви. Я не смог осмотреть ее, так как ключа от двери, ведущей из дома в часовню, не оказалось. Но я снял своим «кодаком»¹ несколько видов с различных точек. Часть дома была пристроена впоследствии, но довольно странным образом, так что вычислить точно, какую площадь занимает дом, немислимо; она, должно быть, очень велика».*

Когда я кончил, граф сказал:

— Я рад, что дом старинный и обширный; я сам из старинной семьи, и необходимость жить в новом доме убила бы меня. Дом не может сразу стать жилым; в сущности, как мало дано дней, чтобы составить столетие... Меня радует также и то, что я найду там старинную часовню. Мы, магнаты Трансильвании, не можем допустить, чтобы наши кости покоились среди простых смертных. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни изобилия солнечных лучей и искрящихся вод, столь любимых молодыми и веселыми людьми. Я уже не молод;

¹ Кодак (Kodak) — марка доступного по цене и потому популярного в конце XIX — начале XX в. фотоаппарата производства одноименной американской компании.

а мое сердце, измученное годами печали, не приспособлено больше к радости; к тому же стены моего замка разрушены; здесь много тени, ветер свободно доносит свои холодные дуновения сквозь разрушенные стены и раскрытые окна. Я люблю мир и тишину и хотел бы быть наедине со своими мыслями, насколько это возможно.

Иногда слова графа будто шли вразрез с его общим видом, а может быть, это происходило от особого свойства его лица — придавать улыбкам лукавый и саркастический оттенок. Спустя немного времени он извинился и покинул меня, попросив собрать все мои бумаги.

В его отсутствие я стал подробно знакомиться с библиотекой. Я наткнулся на атлас, открытый, конечно, на карте Англии; видно было, что им часто пользовались. Разглядывая внимательно карту, я заметил, что определенные пункты на ней были обведены кружками, и присмотревшись, увидел, что один из них находился около Лондона с восточной стороны как раз там, где находилось вновь приобретенное им поместье; остальные два были: Эксетер и Уайтби, на Йоркширском побережье.

Через полчаса граф вернулся.

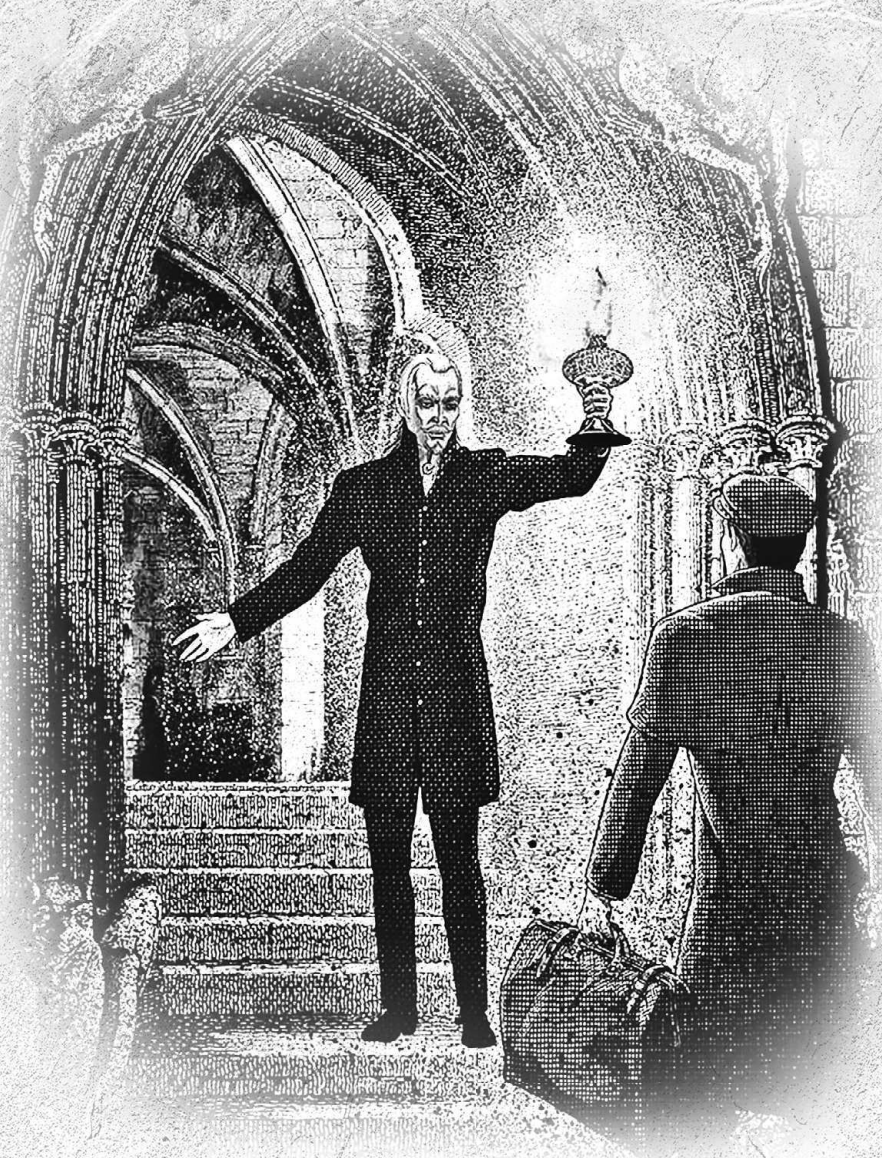
— Ах! — сказал он, — все еще за книгами! Вам не следует так много работать... Пойдемте: ваш ужин готов и подан.

Он взял меня под руку, и мы вышли в столовую, где меня действительно ожидал великолепный ужин. Граф опять извинился, что уже пообедал вне дома. Но так же, как и накануне, он уселся у камина и болтал, пока я ел. После ужина я закурил сигару, как и в прошлую ночь, и граф просидел со мной, болтая и задавая мне вопросы, затрагивающие различные темы; так проходили часы за часами. Хотя я и чувствовал, что становится очень поздно, но ничего не говорил, поскольку решил, что должен быть к услугам хозяина и исполнять его малейшие желания. Спать же мне не хотелось, так как вчерашний продолжительный сон подкрепил меня; но вдруг я почувствовал то ощущение озноба, которое всегда овладевает людьми на рассвете или во время прилива. Говорят, люди ближе всего к смерти и умирают обычно на рассвете или же во время прилива. Вдруг мы услышали крик петуха, прорезавший со сверхъестественной пронзительностью чистый утренний воздух. Граф Дракула моментально вскочил и сказал:

— Как, уже опять утро! Как непростительно с моей стороны, что я заставляю вас так долго бодрствовать!.. Не говорите со мной о вашей стране — меня так интересует все, что касается моей новой родины — дорогой Англии, — что я забываю о времени, а в вашей занимательной беседе оно проходит слишком быстро!

И, изысканно поклонившись, он оставил меня.

Я прошел к себе в комнату и записал все, что произошло за день.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЛЯ ПОДАРОЧНОГО ИЗДАНИЯ 1916 ГОДА.
ХУДОЖНИК — ЭДГАР АЛЬФРЕД ХОЛЛОУЭЙ.

«... В дверях стоял высокий старик с чисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног во все черное. В руке старик держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или трубы и бросало длинные, трепещущие тени от сквозного ветра ...»

8 мая.

Когда я начал записывать в эту тетрадь свои заметки, то боялся, что пишу слишком подробно, но теперь счастлив, что записал все мельчайшие подробности с самого начала, ибо здесь происходит много необычного, — это тревожит меня; я думаю только о том, как бы выйти здоровым и невредимым отсюда, и начинаю жалеть о том, что приехал; возможно, ночные бодрствования так отзываются на мне, но если бы этим все и ограничивалось. Если можно было с кем поговорить, мне стало бы легче, но, к сожалению, никого нет. Только граф, а он... Я начинаю думать, что здесь я единственная живая душа. Позвольте мне быть прозаиком, поскольку того требуют факты; это поможет мне разобраться во всем, сохранить здравый смысл и уклониться от все более и более овладевающей мною власти фантазии... Иначе я погиб!.. Дайте мне рассказать все, как оно есть...

Я проспал всего несколько часов, и чувствуя, что больше не засну, встал. Поставив зеркало для бритья на окно, я начал бриться. Вдруг я почувствовал руку на своем плече и услышал голос графа: «С добрым утром», — сказал он. Я замер, так как меня изумило, что я не вижу его в зеркале, хотя видел в зеркале всю комнату. Остановившись внезапно, я слегка порезался, но не сразу обратил на это внимание. Ответив на приветствие, я опять повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, как я мог так ошибиться. На сей раз никакого сомнения не было: граф стоял почти вплотную ко мне, и я мог видеть его через плечо. Но его отражения в зеркале не был о!.. Это потрясло меня и усилило странность происходящего; мною снова овладело чувство смутного беспокойства, которое охватывало меня всякий раз, когда граф находился поблизости. Только теперь я заметил свой порез. Я отложил бритву в сторону и повернулся при этом вполоборота к графу в поисках пластыря. Когда граф увидел мое лицо, его глаза сверкнули каким-то демоническим бешенством, и он внезапно схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась шнура, на котором висел крест. Это сразу вызвало в нем перемену, причем ярость прошла с такой быстротой, что я подумал, была ли она вообще.

— Смотрите, будьте осторожны, — сказал он, — будьте осторожны, когда бреетесь. В наших краях это гораздо опаснее, чем вы думаете.

Затем, схватив зеркало, он продолжал:

— Вот эта злополучная вещица все и натворила! Ничто иное, как глупая игрушка человеческого тщеславия. Долой ее!

Он открыл тяжелое окно одним взмахом своей ужасной руки и вышвырнул зеркало, которое разбилось на тысячу кусков, упав на камни, которыми был выложен двор. Затем, не говоря ни слова, удалился. Это ужасно неприятно, так как я положительно не знаю, как я

теперь буду бриться, разве перед металлической коробкой от часов, или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, сделана из полированного металла.

Когда я вошел в столовую, завтрак был уже на столе, но графа я нигде не мог найти. Так я и позавтракал в одиночестве. Как странно, что я до сих пор не видел графа ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необыкновенный человек. После завтрака я сделал небольшой обход замка, который меня сильно взволновал: двери, двери, всюду двери, и все заперто и загорожено... Нигде никакой возможности выбраться из замка, разве только через окна! Замок — настоящая тюрьма, а я — пленник!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда я убедился, что нахожусь в плену, меня охватило бешенство. Я начал стремительно спускаться и подниматься по лестницам, пробуя каждую дверь, высовываясь в каждое окно, какое попадалось на пути; но немного погодя сознание полной беспомощности заглушило все чувства. Когда спустя некоторое время я припомнил свое тогдашнее состояние, оно казалось мне близким к сумасшествию, потому что я вел себя, как крыса в мышеловке. Но придя к выводу, что положение мое безнадежно, я стал хладнокровно обдумывать, как лучше всего выкрутиться из создавшегося положения. Я и теперь думаю об этом, но до сих пор не пришел еще ни к какому заключению. Ясно одно: нет никакого смысла сообщать графу о моих мыслях. Он ведь отлично знает, что я пленник; а так как он сам это устроил и, без сомнения, имеет на то свои причины, он лишь обманет меня, если я откровенно поведаю ему свои мысли. Мне кажется, прежде всего я должен зорко следить за всем. Я сознаю, что или я сам поддаюсь, как младенец, влиянию мною же придуманного чувства страха, или же нахожусь в отчаянно затруднительном положении; если со мною приключилось последнее, то я нуждаюсь и буду нуждаться в том, чтобы сохранить ясность мыслей. Едва я успел прийти к такому заключению, как услышал, что большая входная дверь внизу захлопнулась; я понял, граф вернулся. Поскольку он не прошел в библиотеку, то я на цыпочках направился в свою комнату и застал там графа, приготовлявшего мне постель. Это было странно, но только подтвердило мои предположения, что в доме совсем нет прислуги. Когда же позже я заметил сквозь щель в дверях

столовой графа, накрывающего на стол, то окончательно убедился в справедливости моих предположений: раз он сам исполняет обязанности челяди, значит их больше некому исполнять. Вывод меня испугал: если в замке больше никого нет, значит граф и был кучером той кареты, которая привезла меня сюда. Я ужаснулся от этой мысли — что же тогда означает его способность усмирять волков одним движением руки, как он это делал в ту ночь? Почему люди в Быстрице и в дилижансе так за меня боялись? Чем руководились они, когда наделяли меня крестом, чесноком, шиповником и рябиной¹? Да благословит

Господь ту добрую, милую старушку, которая повесила мне крест на шею, поскольку каждый раз, как я до него дотрагиваюсь, я чувствую отраду и прилив сил. Как странно, что именно то, к чему я относился враждебно и на что привык смотреть как на идолопоклонство, в дни одиночества и тревоги является моей единственной опорой и утешением. Но мне нельзя позволять себе отвлекаться: я должен узнать все о графе Дракуле, ибо только это может облегчить мне разгадку. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе, если только удастся навести разговор на эту тему. Но мне придется быть очень осторожным, чтобы не возбудить его подозрений.

Полночь

У меня был длинный разговор с графом. Я задал ему несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании, и он живо и горячо заговорил на эту тему. Он с таким воодушевлением говорил о событиях, народах, в особенности о битвах, будто сам всюду присутствовал. Он это объясняет тем, что для магната честь родины, дома и имени — его личная честь, победы народа — его слава, судьба народа — его участь. Я очень хотел бы дословно записать все его слова, до того они были интересны. Из разговора я узнал историю его рода, привожу ее здесь подробно:

— Мы — секлеры, имеем право гордиться этим, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались, как и вы, за главенство в мире. Здесь, в водовороте битв и сражений, выделилось племя угров, унаследовавших от исландцев воинственный дух, которым их наделили Тор и Один, и берсеркры их прославились на морских берегах Европы, и Азии, даже Африки такою свирепостью, что народы думали, будто явились оборотни. Да к тому же, когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов, бешеная страсть которых к войнам опустошала страну подобно жаркому пламени, так что те, на кого они нападали, решили, что в их жилах течет кровь

¹ Традиционные обереги от вампиров.

старых ведьм, которые, прогнанные из Скифии¹, сочетались браком с дьяволами пустыни. Глупцы! Глупцы! Какая ведьма или дьявол могли сравниться с великим Аттилой²? Разве удивительно, что мы — племя победителей? Что мы надменны? Что когда мадьяры³, ломбардцы, авары, болгары или турки посылали к нашим границам тысячи своих войск, мы их оттесняли? Разве странно, что Арпад⁴, передвигаясь со своими легионами через родину мадьяр, застал нас на границе, и что Гонфоглас⁵ был здесь разбит. И когда поток мадьяр двинулся на восток, то притязания секлеров как родственного племени были признаны победителями-мадьярами; и уже целые столетия, как нам было поручено охранять границы с Турцией; а бесконечные заботы об охране границ — нелегкая задача, ибо как турки говорят: «вода спит, но враг никогда не смыкает очей». Кто охотнее нас бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага, или собирался под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось искупать великий позор моего народа — позор Косово — когда знамена валлахов и мадьяр исчезли за полумесяцем, кто же как ни один из моих предков переправился через Дунай! и разбил турок на их земле? То был действительно Дракула! Какое было горе, когда его недостойный родной брат продал туркам свой народ в рабство, заклеив вечным позором! А разве не Дракулой был тот, другой, который неоднократно отправлял свои силы через большую реку в Турцию и которого не остановили никакие неудачи? Он продолжал отправлять все новые и новые полки на кровавое поле битвы и каждый раз возвращался один; в конце концов он пришел к убеждению, что может одержать окончательную победу только в одиночестве. Тогда его обвинили в том, что он думает только о себе. Но что такое крестьяне без предводителя, без руководящего ума и сердца?.. А когда после битвы при Мачаге мы свергли мадьярское иго, то вожаками оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких стеснений! Ах, молодой человек, что касается благородной крови, мозга и мечей, то секлеры и Дракулы могут похвалиться древностью своего рода перед всеми королями мира!.. Дни войн прошли... Кровь теперь, в эти дни бесчестного мира, явля-

¹ Скифия — историческая область расселения группы народов, объединенных под названием скифов, ираноязычных кочевых и полукочевых племен I-го тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.

² Аттила — вождь гуннов с 434-го по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

³ Самоназвание венгров.

⁴ Арпад (850/855 — 907) — вождь венгров, преемник Аттилы, родоначальник династии Арпадов, правившей Венгрией вплоть до 1301 г.

⁵ Гонфоглас — в переводе с венгерского обозначает «завоевание родины». Серия исторических событий, приведшая к укороению венгров на Среднедунайской низменности.

ется слишком драгоценной; и слава великих племен теперь уже не более, чем древняя сказка!..

При этих словах как раз наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Примечание: этот дневник страшно напоминает начало «Арабских ночей» и призрак отца Гамлета — как и там, здесь все прерывается при крике петуха.)

12 мая.

Вчера вечером, когда граф пришел из своей комнаты он задал мне ряд юридических вопросов по поводу своих дел. Наводя справки, он задавал мне вопросы, как бы руководствуясь известной системой, и я попробую тоже передать их по порядку; эти сведения, может быть, когда-нибудь и пригодятся мне. Прежде всего он спросил, можно ли в Англии иметь двух стряпчих¹. Я ему на это возразил, что можно иметь хоть дюжину, но неумно иметь больше одного для одного дела, так как все равно двумя делами одновременно не приходится заниматься, а смена юристов всегда невыгодна для клиентов. Он, по-видимому, понял и спросил, будет ли практически осуществимо, чтобы один поверенный сопровождал его ну, скажем, в качестве банкира, а другой следил в это время за погрузкой кораблей в совершенно другом месте. Я попросил его объясниться более определенно, чтобы уяснить в чем дело, дабы не ввести его в заблуждение, и он прибавил:

— Представьте себе, например, такой случай: ваш друг — мистер Питер Хокинс, — живущий около вашей великолепной церкви в Эксетере, вдали от Лондона, купил при вашем посредничестве, милый друг, для меня местечко в Лондоне. Прекрасно! Теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что вместо того, чтобы поручить покупку имущества человеку, живущему в самом Лондоне, я обратился к человеку, живущему далеко от города. Я стремился к тому, чтобы ничьи местные интересы не помешали моим личным. А так как живущий я Лондоне всегда может иметь в виду как свои интересы, так и интересы своих друзей, то я и постарался отыскать агента, который посвятил бы все свои старания исключительно в мою пользу. Теперь допустим, что мне, человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, или Дарем, или Гарвич, или Дувр, так разве не легче будет обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился с ним, но объяснил, что мы, стряпчие, имеем всюду своих агентов и всякое поручение будет исполнено местными агентами по инструкции любого стряпчего.

— Но, — возразил он, — я ведь свободно мог бы сам управлять всеми делами? Не так ли?

¹ Юрист.

— Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы их имена были известны кому бы то ни было.

— Прекрасно! — сказал он и перешел затем к форме и изложению поручительства и ко всем могущим при этом возникнуть затруднениям, желая таким образом заранее охранить себя от всяких случайностей.

Я объяснил как мог точнее все, что знал, и он в конце концов оставил у меня впечатление, что сам мог бы стать великолепным юристом, так как не было ни одного пункта, которого бы он не предвидел. Когда граф вполне удовлетворился всеми сведениями и выслушал объяснения по всем интересующим его пунктам, он встал и сказал:

— Писали ли вы после вашего первого письма мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь другому?

С чувством горечи я ответил, что до сих пор еще не имел никакой возможности отослать письма кому бы то ни было.

— Ну, так напишите сейчас же, мой дорогой друг, — сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо, — и скажите, что вы пробудете здесь еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если это доставит вам удовольствие.

— Разве вы хотите задержать меня на столь продолжительный срок?

— Я бы очень этого желал. Нет, я не принимаю отказа! Когда ваш патрон или хозяин, как вам угодно, сообщил, что придет своего заместителя, то мы условились, что только мои интересы будут приниматься во внимание. Я не назначал сроков. Не так ли?

Что же мне оставалось делать, как не поклониться в знак согласия. Ведь все это было не в моих интересах, а в интересах мистера Гаукинса, и я должен был думать прежде всего о патроне, а не о себе, да, кроме того, в глазах графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Граф увидел свою победу в моем утвердительном поклоне и свою власть надо мной в тревоге, отразившейся на моем лице, и сейчас же воспользовался этим, присущим ему, хотя и вежливым, но не допускающим возражений способом.

— Но прошу вас, мой дорогой друг, в ваших письмах не касаться ничего другого, кроме дел. Без сомнения, вашим друзьям доставит удовольствие узнать, что вы здоровы и надеетесь скоро вернуться домой, не так ли?

При этом он протянул мне три листа бумаги и три конверта. Глядя на бумагу и на него, и обратив внимание на его спокойную улыбку, открывшую острые клыкообразные зубы, я сразу же отчетливо понял, как если бы он заявил об этом прямо, что я должен быть очень осторожным в своих письмах, так как ему ничего не стоило прочесть их. Поэтому я решил написать при нем только официаль-

ные письма, а потом уже тайком написать обо всем подробно мистре-ру Хокинсу и Мине, которой, к слову сказать, я могу писать стено-графически, что поставит графа в затруднение. Написав два письма, я спокойно уселся и начал читать книгу, пока граф делал несколь-ко заметок, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он забрал оба письма, положил их вместе со своими около письменного при-бора и вышел из комнаты. Я немедленно воспользовался его отсут-ствием, чтобы рассмотреть письма, лежавшие адресами вниз. Я не испытывал при этом никаких угрызений совести, так как находил, что в данных условиях, ради своего же спасения, я должен был вос-пользоваться любыми средствами. Одно из писем было адресова-но Самуилу Ф. Биллингтону и К°, № 7, Крешенд, Уайтби; другое го-сподину Лейтнеру, Варна; третье № Кутц и К°, Лондон; четвертое го-сподам Клопштоку и Бильрейту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я еле успел разложить письма в прежнем порядке, усесться в кресло и вновь приняться за книгу, как показался граф, держа в руках еще одно письмо. Он забрал со стола письма и, запечатав их, повернулся ко мне и сказал:

— Я надеюсь, вы меня простите за то, что я отлучусь на весь ве-чер, так как мне предстоит много частных дел.

В дверях он еще раз повернулся и сказал после минутной паузы:

— Позвольте посоветовать вам, мой милый друг, вернее, преду-предить наисерьезнейшим образом, что если вы покинете извест-ные комнаты, то вам никогда не удастся обрести покой во всем зам-ке. Замок старинный, хранит в своих стенах много воспоминаний и плохо приходится тем, кем овладевают безрассудные видения. Итак, вы предупреждены! Как только почувствуете, что вас одолевает сон, спешите к себе в спальню, или в одну из этих комнат, и тогда ваш по-кой будет гарантирован.

Но если вы будете неосторожны...— он докончил свою речь, ска-занную зловещим тоном, движением рук, показывая, что умыкает их.

Я отлично понял его; но усомнился в возможности существо-вания более кошмарного сна, чем та неестественная, полная мрака, ужаса и таинственности действительность, которая окружала меня.

Позже

Теперь, когда я заношу эти последние строки, о сомнениях уже не может быть и речи. Я не побоюсь спать во всем замке, лишь бы его не было. Я положил распятие у изголовья кровати и думаю, таким обра-зом мой покой обойдется без снов. Здесь крест навсегда и останется...

Когда граф ушел, я удалился в свою комнату. Немного погодя, не слыша ни звука, я вышел и пошел по каменной лестнице туда, отку-да можно наблюдать за местностью с южной стороны. Тут я мог на-

слаждаться свободой, глядя на обширные, хотя и недоступные для меня пространства; все же сравнительно с черным мраком, царящим на дворе, тут был свет! Озираясь кругом, я лишней раз убедился, что действительно нахожусь в тюрьме; я жаждал хоть подышать свежим воздухом. Я любовался великолепным видом, озаренным мягким лунным светом, пока не стало светло как днем. Нежный свет смягчал очертания далеких холмов, а тени в долинах и узких проходах покрылись бархатным мраком. Скромная красота природы ободрила меня; с каждым дыханием я как бы вбирал мир и покой. Когда я высунулся в окно, то заметил, что что-то зашевелилось у окна, налево от меня, именно там, где по моим предположениям находилось окно комнаты графа. Высокое и большое окно, у которого я стоял, было заключено в каменную амбразуру, которая, несмотря на то, что была источена временем, была цела. Я спрятался за амбразуру и осторожно выглянул.

И вот я заметил, как из окна высунулась голова графа. Лица его я не разглядел, но сразу узнал его по затылку и движениям плеч и рук. Я никак не мог ошибиться, так как много раз внимательно присматривался к его рукам. Вначале я очень заинтересовался этим явлением, да и вообще, много ли нужно, чтобы заинтересовать человека, чувствующего себя пленником! Но мое любопытство перешло в ужас и страх, когда я увидел, что он начал ползти вдоль стены над ужасной пропастью, лицом вниз, причем его одежда развевалась вокруг него, как большие крылья. Я глазам своим не верил! Вначале мне показалось, что это отражение лунного света или игра капризно брошенной тени; но продолжая смотреть, я отказался от своих сомнений, так как ясно увидел, как пальцы и ногти цеплялись за углы камней, штукатурка которых выветрилась от непогоды; пользуясь каждым выступом и малейшей неровностью, граф, как ящерица, полз с невероятной быстротой вниз по стене.

Что это за человек, или что это за существо, так напоминающее человека? Я чувствую, что весь ужас этой местности сковывает меня; я боюсь, ужасно боюсь и нет мне спасения! Я охвачен таким страхом, что не смею даже думать о...

15 мая.

Я опять видел графа, ползущего как ящерица. Он опустился на добрых 400 футов наискось влево. Затем он исчез в какой-то дыре, или окне. Когда голова его исчезла из виду, я высунулся в окно, стараясь проследить его путь, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что он удалился из замка, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы осмотреть все то, что не успел осмотреть раньше. Я вернулся к себе в комнату, и взяв лампу, пошел пробовать все двери. Все они оказались запертыми,

как я и ожидал, причем замки были совершенно новы; тогда я спустился по каменной лестнице в зал. Я убедился, что болты довольно легко отодвинуть и что не трудно снять и большие цепи с крючка; но дверь оказалась запертой, и ключ был унесен. Ключ, должно быть, в комнате у графа; придется дожидаться случая, когда дверь его комнаты будет открыта, чтобы иметь возможность забраться туда и уйти незаметно. Я продолжал осматривать различные лестницы и проходы и пробовал все двери. Одна или две маленькие комнатки близ зала оказались не запертыми, только там ничего не нашлось интересного, кроме старинной мебели, покрытой пылью и изъеденной молью. В конце концов, на самой верхушке одной лестницы я все-таки нашел какую-то дверь, которая хоть и была заперта, но при первом же легком толчке поддавалась. При более сильном толчке я почувствовал, что она действительно не заперта. Тут мне представился случай, который вряд ли вторично подвернется; поэтому я напряг все свои силы, и мне удалось настолько отодвинуть дверь, что я смог войти. По расположению окон я понял, что анфилада комнат расположена на южной стороне замка, а окна этой комнаты выходят на запад и юг. С той и с другой стороны зияла громадная пропасть. Замок был построен на краю большого утеса, так что с трех сторон он был совершенно неприступен. На западе виднелась большая долина, а за ней, вдали, возвышались зубчатые утесы, расположенные один за другим; они были покрыты горными цветами и терновником, корни которого цеплялись за трещины и развалины камня. Эта часть замка была, по-видимому, когда-то обитаема, так как обстановка казалась уютнее, чем в остальных частях. Занавеси на окнах отсутствовали, и желтый свет луны, проникавший сквозь окна, скрадывал толстый слой пыли, лежавший повсюду и прикрывавший изъязны, вызванные временем. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был счастлив, что она со мною, потому что ужасное одиночество заставляло холодеть мое сердце и расстраивало нервы. Во всяком случае, мне здесь было лучше, чем в тех комнатах, которые я возненавидел благодаря присутствию в них графа; я постарался унять свои нервы и постепенно нежное спокойствие охватило меня.

16 мая. Утро.

Да хранит Господь мой рассудок, так как я в этом очень нуждаюсь! Безопасность и уверенность в безопасности — дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление — как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Если рассудок еще при мне, то действительно сумасшествие думать, будто из всех мерзостей, коими я окружен в этом ненавистном месте, — менее всего мне страшен граф, и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь до тех пор, пока он во мне нуждается! Великий

Боже! Сохрани мое хладнокровие, так как иначе сумасшествие действительно неизбежно!..

Таинственное предостережение графа теперь волнует меня; когда я об этом думаю, то еще больше пугаюсь, так как чувствую, что в будущем буду находиться под страхом его власти надо мною. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Будучи сегодня ночью в комнатке наверху, я почувствовал, как сон начал меня одолевать. Я вспомнил предостережение графа, но страстное желание послушаться его овладело мною. Сон одолевал меня все сильнее, и вместе с ним — желание борьбы. Мягкий лунный свет озарял пространство, а водворившийся покой как-то освежал меня. Я решил в эту ночь не возвращаться больше в свои мрачные комнаты, а проспать здесь. Я вытащил какую-то кушетку из угла и поставил ее так, что мог лежа свободно наслаждаться видом на запад и на юг, и не обращая внимания на густую, покрывающую здесь все пыль, я собрался заснуть.

Мне кажется, вероятнее всего, что я и заснул; я надеюсь, что так и было, но все-таки ужасно боюсь, как бы все, что затем последовало, не происходило наяву — так как то, что произошло, было так реально, так явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, чтобы то был сон...

Я был не один... Комната была та же, несколько не изменившаяся с тех пор, как я в нее вошел. Я мог различить благодаря лунному свету свои собственные следы, которые разрушили сеть накопившейся на полу паутины. В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам это были леди. Я думаю, что видел их сквозь сон, так как несмотря на то, что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу. Они подошли ко мне вплотную и, посмотрев на меня, начали затем шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами как у графа, с большими темными пронизательными глазами, казавшимися совершенно красными при бледно-желтом свете луны. Третья леди была белокура — самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися, густыми золотистыми волосами и с глазами цвета бледного сапфира. Мне казалось, что я знаю это лицо, что я во сне его когда-то видел, но никак не мог вспомнить, где и когда именно. У всех трех были великолепные белые зубы, казавшиеся жемчугом среди рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то неловкость. В душе моей пробудилось какое-то мерзкое желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами.

Они пошептались между собой, и потом все трое рассмеялись каким-то удивительно серебристым музыкальным смехом. Блон-

динка кокетливо кивнула головкой, а другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

— Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

— Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я спокойно лежал и, прищурившись, глядел на них, изнемогая от предвкушения наслаждения. Светлая дева подошла ко мне и наклонилась надо мною так близко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было какое-то сладкое, точно мед, а с другой стороны, действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос, но в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но прекрасно все видел, приоткрыв немного веки. Блондинка стала на колени и наклонилась надо мной. Она наклонялась все ближе и ближе, облизывая при этом свои губы, как животное; при свете луны я заметил, что ее ярко-красные губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы, обильно покрыты слюной. Ее голова опускалась все ниже и ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Я ощутил какое-то щекотание на коже горла и прикосновение двух острых зубов. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал, трепеща всем существом.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии охватило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за ее тонкую шею и изо всей силы швырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкнули бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули от гнева. Но что было с графом! Никогда не мог вообразить себе, чтобы даже демоны могли быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто пламя адского огня пылало в них. Лицо его было мертвенно бледно, и все черты лица застыли, как бы окаменев; а густые брови, и без того сходящиеся к носу, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение в сторону двух других, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков; затем своим громким, твердым голосом, пронизывающим воздух в комнате, несмотря на то, что он говорил почти шепотом, он сказал:

— Как вы смеете его трогать! Как вы смеете поднимать глаза на него, раз я вам запретил? Назад, говорю вам! Ступайте все прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, и вы будете иметь дело со мною!

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник — Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...В лунном свете против меня находились три молодые женщины; судя по одеждам и манерам это были леди. Я думаю, что видел их сквозь сон, так как несмотря на то, что свет луны находился позади них, от них не было никакой тени на полу...»

Светлая дева грубо-кокетивым движением повернулась к нему и сказала, смеясь:

— Ты сам никогда никого не любил; и никогда никого не полюбишь!

Другие женщины подтвердили это, и раздался такой радостный и в то же время грубый и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, казалось, бесы справляли свой шабаш. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в глаза, нежно прошептал:

— Нет, я тоже могу любить; вы сами могли в этом убедиться в прошлом. Я обещаю вам, что как только покончу с ним, позволю вам целовать его, сколько захотите. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

— А разве мы сегодня ночью ничего не получим? — со сдержанным смехом спросила одна из них, указывая на мешок, который граф бросил на пол и который двигался, будто в нем находилось что-то живое. Он утвердительно кивнул головой. Одна из женщин моментально кинулась и развязала мешок. Если только мои уши не обманули меня, то оттуда раздались вздохи и вопли полузадушенного ребенка. Женщины кружились вокруг мешка, в то время как я весь был охвачен ужасом; но когда я вгляделся пристально, оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, они просто испарились в лучах лунного света и исчезли в окне, поскольку я заметил, как их слабый облик постепенно изглаживается на его фоне.

Затем ужас охватил меня с такой силой, что я упал в обморок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проснулся я в собственной постели. Если только ночное приключение не приснилось мне, значит граф принес меня сюда. Целый ряд мелких признаков подтверждал это. Мое платье было сложено не так, как я это обыкновенно делаю. Мои часы остановились, а я их всегда завожу на ночь, и много еще аналогичных подробностей. Но, конечно, они не могли служить доказательством; может быть, эти явления подтверждают только то, что мой рассудок по той или иной причине не совсем в порядке. Я должен найти другие доказательства. Чему я, однако, несказанно рад, так это тому, что мои карманы остались нетронутыми, видимо граф очень спешил, если только он перенес меня сюда и раздел. Я уверен, что мой дневник был бы для

него загадкой, которую он не смог бы разгадать. Он, наверное, взял бы его себе и, может быть, уничтожил. Теперь спальня, всегда казавшаяся мне отвратительной, является как бы моим святилищем, так как нет ничего страшнее тех ужасных женщин, которые ожидали и будут ждать случая высосать мою кровь.

18 мая

Я опять пошел в ту комнату, так как должен же я, наконец, узнать всю правду. Когда я подошел к двери на верхней площадке лестницы, то нашел ее запертой. Ее захлопнули с такой силой, что часть двери оказалась расщепленной. Я увидел, что болт не был задвинут, и дверь закрыта изнутри. Боюсь, что все это — не сон...

19 мая

Я, без сомнения, напал на след. Прошлой ночью граф наисладчайшим тоном попросил меня написать три письма: в первом сообщил, что мое дело здесь уже близится к концу и что через несколько дней я выеду домой; во втором — что я выезжаю на следующий день даты письма, а в третьем — что я уже покинул замок и приехал в Быстрицу. Мне страшно захотелось запротестовать, но я понял, что в моем положении открыто ссориться с графом — безумие, поскольку я нахожусь целиком в его власти; а отказаться написать эти письма значило бы возбудить подозрения графа и навлечь на себя его гнев. Он понял бы, что я слишком много узнал, и не должен оставаться в живых, ибо стал опасен. Единственная моя надежда теперь — искать и ждать удобного случая. Может быть, и подвернется возможность бежать. В его глазах я снова заметил нечто похожее на тот гнев, с которым он отшвырнул от себя белокурую женщину. Он объяснил, что почта ходит здесь редко и не внушает доверия, поэтому следует заранее известить моих друзей о своем приезде; кроме того он убеждал меня, что если мне придется продлить свое пребывание в замке, он всегда успеет задержать мое последнее письмо в Быстрице на необходимое время. Все это было сказано таким тоном, что противоречить ему значило бы вызвать у него новые подозрения, поэтому я сделал вид, что совершенно согласен и только спросил, какие числа проставить в письмах. Он на минуту задумался, потом сказал: — Первое пометьте 12 июня, второе и третье 29 июня.

Теперь я знаю, сколько дней я еще проживу. Да поможет мне Бог!

28 мая

Есть возможность сбежать или по крайней мере послать домой весточку: цыганский табор пришел к замку и расположился во дворе.

Я напишу домой несколько писем и постараюсь добиться, чтобы цыгане доставили их на почту. Я уже завязал с ними знакомство, че-

рез окошко. Они сняли при этом шляпы и делали мне какие-то знаки, так же малопонятные, как и их язык.

Я написал письма. Мине написал стенографически, а мистера Хокинса просто попросил списаться с нею. Ей я сообщил о своем положении, умалчивая, однако, об ужасах, в которых я сам еще не вполне разобрался. Если бы я выложил ей всю душу, то она испугалась бы до смерти. Если письма каким-нибудь образом все-таки дойдут до графа, он, тем не менее, не узнает моей тайны или, вернее, того, насколько я проник в его тайны...

Я отдал письма; я бросил их сквозь решетку моего окна вместе с золотой монетой и, как мог, знаками показал им, что нужно опустить их в почтовый ящик. Взявший письма прижал их к сердцу и затем вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать. Я пробрался в библиотеку и начал читать. Так как граф не приходил, то я и писал здесь...

Граф пришел. Он уселся напротив меня и сказал своим вкрадчивым голосом, вскрывая два письма:

— Цыгане передали мне эти письма, хотя я и не знаю, откуда они взялись. Мне теперь придется быть осторожным. Посмотрим! — Он, по-видимому, их рассмотрел: — одно из них от вас к моему другу Питеру Хокинсу; другое, — здесь, открыв письмо, он увидел странные знаки, причем его лицо омрачилось, и глаза сверкнули бешенством, — другое — гадкий поступок — злоупотребление дружбой и гостеприимством. Оно не подписано. Прекрасно! Так что оно не может нам повредить.

И он хладнокровно взял письмо и конверт и держал их над лампой, пока они не превратились в пепел. Затем продолжал:

— Письмо, адресованное Хокинсу, я конечно отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня святы. Вы мой друг, простите меня, конечно, что не зная этого, я их распечатал. Не запечатаете ли вы письмо вновь.

Он протянул мне письмо и с изысканным поклоном передал чистый конверт. Мне оставалось только надписать адрес и молча вручить письмо. Когда он вышел из комнаты, я услышал, как ключ мягко повернулся в замке. Подождав минуту, я подошел к двери — она оказалась запертой.

Спустя час или два граф спокойно вошел в комнату; он разбудил меня своим приходом, так как я заснул тут же на диване. Он был очень любезен и изыскан в своем обращении и, видя, что я спал, сказал:

— Вы устали, мой друг? Ложитесь в постель. Там удобнее всего отдохнуть. Я лишен удовольствия беседовать с вами сегодня ночью, так как очень занят; но вы будете спать, я в этом уверен!

Я прошел в спальню и, странно признаться, великолепно спал. И отчаяние имеет свои хорошие стороны...

31 мая

Когда я сегодня проснулся, то решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и хранить их в кармане, дабы иметь возможность записывать то, что нужно, в случае необходимости немедленно, но меня ожидал новый сюрприз: из чемодана исчезла вся бумага и конверты вместе со всеми заметками, расписанием железных дорог, подробными описаниями моих путешествий; исчезло и письмо с аккредитивом, словом все, что могло бы мне пригодиться, будь я на воле. Я принялся искать их в портмоне и в шкафу, где висели те вещи, в которых я приехал.

Мой дорожный костюм исчез; мой сюртук и одеяло также. Я нигде не мог найти и следа их. Должно быть, новая злодейская затея.

17 июня

Сегодня утром, сидя на краю постели и разбираясь в событиях, я вдруг услышал на дворе шелканье хлыста и стук копыт лошадей по каменной дороге. Я бросился к окну и увидел два больших фургона, запряженный каждый 8 лошадьми; у каждой пары стоял словак в белой шляпе, кушаке, обитом громадными гвоздями, грязных штанах и высоких сапогах. В руках у них были длинные палки. Я бросился к двери, чтобы скорее спуститься вниз и пробраться к ним через входную дверь, которая, по моему мнению, была не заперта. Опять поражение: моя дверь оказалась запертой снаружи. Тогда я бросился к окну и окликнул их. Они тупо взглянули вверх, и тут к ним как раз подошел их предводитель; увидев, что они показывают на меня, он сказал им что-то, над чем они рассмеялись. После этого никакие мои усилия, ни жалобный крик, ни отчаянные мольбы не могли заставить их взглянуть на мое окно. Они окончательно отвернулись от меня. Фургоны были нагружены большими ящиками с толстыми ручками; они без сомнения были пустыми, судя по легкости, с которой их несли. Ящики выгрузили и сложили в кучу в углу двора, затем цыгане дали словакам денег, плюнув на них на счастье, после чего словаки лениво направились к своим лошадям и уехали.

Прошлой ночью граф рано покинул меня и заперся на ключ у себя в комнате. Как только я убедился в этом, я опять помчался по винтовой лестнице наверх посмотреть в окно, выходящее на юг. Я думал, что подстерегу здесь графа, поскольку, кажется, что-то затевается. Цыгане располагаются где-то в замке и заняты какой-то работой. Я это знаю, так как порой слышу шум езды и глухой стук не то мотыги, не то заступа; что бы они ни делали, это вероятно должно означать завершение какого-то жестокого злодеяния.

Я стоял у окна почти полчаса, прежде чем заметил, как что-то выползло из окна комнаты графа. Я подался назад и осторожно наблюдал. Наконец я увидел всего человека. Новым ударом было для меня то, что я увидел на нем свой дорожный костюм; через плечо

висел тот самый ужасный мешок, который, как я помнил, те женщины забрали с собой. Сомнений не оставалось: это он похитил мои вещи и нарядился в мое платье — вот, значит, в чем смысл его новой злой затеи. Он хочет, чтобы люди приняли его за меня, чтобы, таким образом, в городе и в деревнях знали, что я сам относил свои письма на почту, и чтобы всякое злодеяние, которое он совершит в моем костюме, было всеми местными жителями приписано мне.

Я думал, что дождусь возвращения графа, и поэтому долго и упорно сидел у окна. Затем я начал замечать в лучах лунного света какие-то маленькие мелькающие пятна, крошечные, как микроскопические пылинки; они кружились и вертелись как-то неясно и очень своеобразно. Я жадно наблюдал за ними, и они навевали на меня странное спокойствие. Я уселся поудобнее в амбразуре окна и мог, таким образом, свободнее наблюдать за движением в воздухе.

Что-то заставило меня вздрогнуть. Какой-то громкий жалобный вой собак, раздался со стороны долины, скрытой от моих взоров. Все громче и громче слышался он, а витающие атомы пылинок, казалось, принимали новые образы, меняясь вместе со звуками и танцуя в лунном свете. Я боролся и взывал к моему рассудку; вся моя душа полусознательно боролась вместе со всеми моими чувствами и пыривалась ответить на зов. Я находился как бы под гипнозом. И все быстрее кружились пылинки, а лунный свет как бы ускорял их движение, когда они проносились мимо меня, исчезая в густом мраке. Они все больше и больше сгущались, пока не приняли форму мутных призраков. Тогда я вскочил, опомнился, взял себя в руки и с криком убежал. В призрачных фигурах, явственно выступавших при лунном свете, я узнал очертания тех трех женщин, в жертву которым я был обещан. Я убежал в свою комнату, где не было лунного света и где ярко горела лампа; мне казалось, что здесь я в безопасности. Через несколько часов я услышал в комнате графа какой-то шум, точно резкий вскрик, внезапно подавленный, затем наступило молчание, такое глубокое и ужасное, что я невольно содрогнулся. С бьющимся сердцем я старался открыть дверь; но я снова был заперт в своей тюрьме и ничего не мог поделать.

Вдруг я услышал на дворе душераздирающий крик женщины. Я подскочил к окну и посмотрел на двор сквозь решетку. Там, прислонившись к калитке в углу, действительно стояла женщина с распущенными волосами. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и угрожающим голосом крикнула:

— Изверг, отдай моего ребенка!

Она упала на колени, и простирая руки, продолжала выкрикивать эти слова, которые ранили мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь и приходила во все большее и большее отчаяние. Наконец, продолжая неистовствовать, она кинулась вперед,

и хотя я не мог ее больше видеть, но слышал, как она колотила во входную дверь.

Затем, откуда-то высоко надо мной, должно быть, с башни, слышался голос графа; он говорил что-то своим повелительным, строгим, металлическим голосом. В ответ ему раздался со всех сторон, даже издалека, вой волков. Не прошло и нескольких минут, как целая стая их ворвалась сквозь широкий вход во двор, точно вырвавшаяся на свободу свора диких зверей.

Крик женщины прекратился, и вой волков как-то внезапно затих. Вслед за тем волки, облизываясь, удалились поодиночке.

Я не мог ее не пожалеть, так как догадывался об участи ее ребенка, а для нее самой смерть была лучше его участи.

Что мне делать? Что я могу сделать? Как я могу убежать из этого рабства ночи, мрака и страха?

Ночью меня всегда тревожат и терзают страхи и угрожают какие-нибудь опасности или ужасы. Я до сих пор ни разу не видел графа при дневном свете. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, и бодрствует, когда другие спят? Если бы я только мог попасть в его комнату! Но нет никакой возможности! Дверь всегда заперта, я никак не могу пробраться туда.

Нет, попасть туда можно! Лишь бы хватило храбрости! Раз падает он, почему же не попытаться другому? Я собственными глазами видел, как он полз по стене, почему бы и мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов мало, но и положение отчаянное! Рискну! В худшем случае меня ждет только смерть. Да поможет мне Бог в моем предприятии! Прощай, Мина, если я промахнусь, прощайте, верный мой друг, мой второй отец, прощайте, и последний привет Мине!

Тот же день. Позже

Я рискнул и, благодаря Создателю, вернулся опять в свою комнату. Совершенно бодрый, со свежими силами, я подошел к окну, выходящему на юг и на узкий каменный карниз. Стена построена из больших грубо отесанных камней, и известка между ними выветрилась от времени. Я снял сапоги и начал спускаться по ужасному пути. Я прекрасно знал направление, а также расстояние до окна графа, считался с этим, сколько мог, и решил воспользоваться всеми полезными случайностями. Я не чувствовал головокружения — должно быть, я был очень возбужден, — и время показалось мне невероятно коротким, так как вскоре я очутился у окна комнаты графа. Тем не менее я страшно волновался, когда наклонился и спустил ноги из окна в комнату. Я взглянул — нет ли графа — и с удивлением и радостью увидел, что в комнате никого не было. Обстановка напоминала стиль южных комнат, и так же покрыта пылью. Я стал

искать ключ; в замке его не оказалось, я его нигде не находил. Единственное, что я обнаружил, — целая куча золота в углу: золото всевозможного рода — романские, британские, австрийские, греческие и турецкие монеты, покрытые целым слоем пыли и, должно быть, долго лежавшие в земле. Я не заметил среди них ни одной, возраст которой насчитывал бы менее трехсот лет. Там были еще цепи, украшения и несколько драгоценностей, но все старое и в пятнах. В углу была дверь. Я попробовал ее открыть, так как, не найдя ключа от комнаты или входной двери, что было главной целью моих поисков, я должен был продолжать свои исследования для того, чтобы все мои труды не пропали даром. Она оказалась открытой и вела круто вниз сквозь каменный проход по винтовой лестнице. Я спустился, внимательно наблюдая за тем, куда я иду, ибо лестница была темная и освещенная лишь редкими отверстиями в толстой каменной стене. На дне я натолкнулся на темный проход туннеля, откуда несся тошнотворный, убийственный запах — запах старой, только что разрытой земли; по мере моего приближения запах становился все удушливее и тяжелее. Наконец, я толчком распахнул какую-то тяжелую полуоткрытую дверь и очутился в старой развалившейся часовне, служившей, как видно, склепом. Крыша ее была сломана, и какие-то ступени вели в трех местах в углубления; земля была здесь недавно разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, очевидно те самые, что привезли словаки. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но его не оказалось. Тогда я исследовал каждый вершок пола, чтобы не пропустить какой-нибудь детали. Я даже спустился в углубления, куда с трудом проникал тусклый свет; спустился я туда с чувством страха. Я обыскал два углубления, но ничего там не нашел, кроме обломков старых гробов и кучи пыли. В третьем я все-таки сделал открытие.

Там в одном из больших ящиков, которых всего было 50 штук, на куче свежей земли лежал граф! Он или был мертв, или спал, я не мог определить, так как глаза его были открыты и точно окаменели, но без остекленевшего оттенка смерти, щеки были жизненны, несмотря на бледность, а губы красны, как всегда. Но лежал он неподвижно, без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, стараясь найти какой-нибудь признак жизни, но тщетно. Он, должно быть, лежал здесь недавно, так как земля была свежей. Около ящика покоилась крышка с просверленными в ней дырками. Я подумал, что ключи, вероятно, находятся у графа, но когда я начал их искать, взор мой случайно встретился с мертвыми глазами графа, и в них я прочел такую ненависть, что в ужасе попятился назад и поспешно ушел обратно, выбрался через окно и, взобравшись по замковой стене, вернулся к себе. Я бросился, задыхаясь, в постель и постарался собраться с мыслями...

29 июня

Сегодня срок моего последнего письма.

Граф пришел ко мне и сказал:

— Завтра, мой друг, вы должны выехать. Вы возвратитесь в свою великолепную Англию, а я вернусь к делу, которое, может быть, приведет к такому концу, какого мы вовсе не ожидаем. Ваше письмо уже отослано; завтра меня здесь не будет, но все будет приготовлено к вашему отъезду. Утром сюда придут цыгане и несколько словаков. Когда они уйдут, за вами приедет моя коляска, которая повезет вас в проход Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Быстрицу, но я надеюсь, что увижу вас еще раз в замке Дракулы.

Я решил проверить его искренность и спросил прямо:

— Почему я не могу выехать сегодня вечером?

— Потому что, дорогой мой, мой кучер и лошади отправлены по делу.

— Но я с удовольствием пойду пешком, я сейчас же готов уйти.

Он улыбнулся так мягко, так нежно и в то же время такой демонической улыбкой, что мои подозрения воскресли с новой силой.

Он спросил:

— А ваш багаж?

— Я могу прислать за ним. Сейчас он мне не нужен.

Граф встал и сказал с такой поразительной изысканностью, что я не поверил себе, до того это было искренне:

— У вас, англичан, есть одна пословица, которая близка моему сердцу, так как ею руководствуемся и мы, магнаты: добро пожаловать, гость приходящий, и спешить — уходящий. Пойдемте со мною, дорогой мой друг, я и часу не хочу оставлять вас против вашего желания. Идемте же!

Необыкновенно любезно, держа в руке лампу, граф спустился со мной по лестнице, освещая мне дорогу. Но вдруг он остановился и вытянул руку:

— Слушайте!

Раздался вой волков, точно вызванный движением его руки. После минутной паузы мы пошли дальше и достигли двери; он отодвинул болты и снял цепи, после чего начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, оказалось, что дверь не была заперта на ключ. Я подозрительно оглядел ее: нигде не было видно даже следа от замка.

Когда дверь стала постепенно открываться, то вой волков снаружи стал раздаваться все громче и громче. Тогда я понял, что против графа открыто не пойдешь. С такими противниками, да еще когда они под командой графа, я ничего не мог сделать. Но дверь продолжала медленно раскрываться; граф стоял в дверях один. У меня на мгновение мелькнула мысль, вот, вероятно, моя участь: он бросит меня вол-

кам — и я сам же помогу ему сделать это. В подобном плане было достаточно дьявольского замысла. Не видя другого исхода, я крикнул:

— Закройте дверь; я лучше дождусь утра!

Одним взмахом своей могучей руки граф захлопнул дверь, и большие болты с шумом вошли на свои места.

Когда я был уже у себя в комнате и собирался лечь, мне послышался шепот у моих дверей. Я тихо подошел к ней и прислушался. Я услышал голос графа:

— Назад, назад, на свои места! Ваше время еще не настало. Подождите! Имейте терпение! Завтра ночью! Завтрашняя ночь ваша!

Вслед за этим раздался тихий нежный хохот; я с бешенством раскрыл дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих свои губы. Как только я показался, они разразились диким смехом и убежали.

Я вернулся в комнату и бросился на колени. Неужели мой конец так близок? Завтра! Завтра! Создатель, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром

Быть может, это мои последние строки в дневнике. Я спал до рассвета; проснувшись, я опять бросился на колени, так как решил, что если меня ждет смерть, то надо к ней приготовиться.

Помолившись, я открыл дверь и побежал в переднюю. Я ясно помнил, что дверь была не заперта — значит, мне представилась возможность бежать. Дрожащими от волнения руками я снял цепь и отодвинул болты. Но дверь не поддавалась! Отчаяние овладело мною.

Дикое желание раздобыть ключи привело меня к решению снова вскарабкаться по стене и пробраться в комнату графа. Пусть он убьет меня, смерть теперь казалась мне лучшим исходом. Не задумываясь, я ринулся вверх по лестнице к восточному окну и пополз вниз по стене, как и раньше, в комнату графа. Я отправился через дверь в углу вниз по винтовой лестнице и по темному проходу в старую часовню. Я знал теперь, где найду страшилище.

Большой ящик все еще стоял на прежнем месте, у самой темной стены, но на этот раз на нем лежала крышка, еще не приделанная, но с приготовленными гвоздями, так что оставалось только вколотить их. Мне нужно было его проклятое тело из-за ключа, так что я снял крышку и поставил ее к стене. Предо мною лежал граф но наполовину помолодевший, так как его седые волосы и усы потемнели. Щеки казались полнее, а под белой кожей просвечивал румянец; губы его были ярче обыкновенного, так как на них еще сохранились свежие капли крови, капавшие из углов рта и стекавшие по подбородку на шею. Дрожь пробежала по моему телу, когда я наклонился к нему, чтобы до него дотронуться; но я должен был найти ключ, иначе я погиб. Быть может, следующей ночью мое тело послужит добычей для

пиршества трех ужасных колдуний. Я обыскал все тело, но не нашел ключей. Тогда я остановился и посмотрел на графа. На его окровавленном лице блуждала ироническая улыбка, которая, казалось, сведет меня с ума. У меня не было под рукой никакого смертоносного оружия, я схватил лопату, которой рабочие наполняли ящики с землей и, высоко взмахнув ею, ударил острием вниз прямо в ненавистное лицо. Но тут голова его повернулась, и глаза, в которых светилась ненависть василиска¹, уставились на меня. Их взгляд парализовал меня; лопата, дрогнув, скользнула мимо и вонзилась в дерево возле лба. Оружие выпало из моей руки; когда я попытался поймать его, острие заступы задело крышку, и она упала на прежнее место. Последнее, что я увидел, было раздутое, налитое кровью лицо, перекошенное гримасой ненависти ко всему живому, пылающее адским пламенем...

Я думал и думал, что же теперь предпринять, но голова моя горела; в отчаянии я стоял и ждал. В это время я услышал многоголосый цыганский напев и пробивающийся сквозь него свист бичей да стук тяжелых колес: это подъезжали цыгане и словаки, о которых говорил граф. В последний раз оглядев ящик, в котором покоилось тело, я покинул подземелье и, добравшись до комнаты графа, приготовился отразить нападение в тот момент, когда дверь откроется. Напряженно прислушиваясь, я уловил позвякивание ключей, скрип замка и, наконец, звук отпирающейся двери. Видимо, существовал какой-то другой вход, либо у кого-то были ключи к закрытым дверям. Потом я услышал топот многих ног, затихающий в какой-то боковой галерее и оставивший после себя долгое эхо. Я собрался вновь сбегать вниз, под своды, чтобы найти этот новый проход, но мощный порыв ветра захлопнул дверь, ведущую к винтовой лестнице, с такой силой, что сдул с дверных перемычек пыль и паутину. Я попытался открыть ее, но сразу понял, что это бесполезно. Я вновь был узником, и сети рока оплели меня.

Пока я пишу эти строки, снизу доносится топот ног и звуки перетаскиваемых тяжестей, без сомнения, ящиков с землей; я слышу стук молотка — это прибивают крышку. Вот стали слышны тяжкие шаги в холле, а вслед за ними — легкий топот множества ног.

Двери запирают, и гремят цепи, в замке поворачивается ключ; я слышу, как его вынимают, затем другие двери отпираются и вновь захлопываются, грохочут замки и засовы.

Чу! Сперва со двора, а потом внизу, на горной дороге — шум удаляющихся повозок; свист бичей и говор цыган замирает вдали.

¹ Василиск (от греч. «царек») — мифическое создание с головой петуха, туловищем и глазами жабы и хвостом змеи. По средневековым представлениям, василиск способен убивать лишь одним своим взглядом.

Я один в замке... и эти кошмарные женщины. Тьфу! Мина тоже женщина, но какая между ними пропасть! Это просто исчадия ада!

Остаться здесь невозможно; надо попытаться спуститься по стене ниже, чем в прошлый раз. Еще не забыть захватить с собой золото — потом пригодится.

НАДО НАЙТИ ВЫХОД ИЗ ЭТОГО КОШМАРА!

И потом — домой! На первом же поезде, подальше от этого жуткого места, из этой проклятой земли, где дьявол со своими маляуками, которые, как говорят, не так уж и страшны, бродит по дорогам!

Лучше положиться на милость Господню, чем отдаться в лапы этим чудовищам. Пропать крута и глубока, но и в бездне человек сможет остаться ЧЕЛОВЕКОМ! Прощайте, все! Мина!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Письмо мисс Мины Мюррей к мисс Люси Вестерн

9 мая

Дорогая Люси!

Прости за столь долгое молчание, но я была просто завалена работой. Жизнь завуча детской школы подчас ужасно утомительна. Мне так хочется тебя увидеть, посидеть на нашем месте у моря, где мы сможем болтать и строить воздушные замки. Я усиленно занимаюсь стенографией, так как хочу впоследствии помогать Джонатану в его работах. Мы с ним иногда переписываемся стенографически, и весь дневник о своей поездке за границу он тоже ведет стенографически. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он, слава Богу, здоров и вернется приблизительно через неделю. Я жажду узнать от него все новости. Это должно быть очень интересно — видеть чужие страны. Не думаю, чтобы нам — я хочу сказать Джонатану и мне — удалось когда-нибудь вместе увидеть их. Вот часы бьют 10. До свидания!

Любящая тебя Мина.

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне уже давно ничего не сообщала. Ходят какие-то слухи о тебе и особенно о каком-то высоком красивом человеке с кудрявыми волосами?!

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЛЯ ПОДАРОЧНОГО ИЗДАНИЯ 1916 ГОДА.
ХУДОЖНИК — ЭДГАР АЛЬФРЕД ХОЛЛОУЭЙ.

«... Теперь город оживился, мы посещаем картинные галереи, совершаем бесконечные прогулки по парку и катаемся верхом...»

Письмо Люси Вестерн к Мине Мюррей

17 Четам стрит. Среда

Дорогая моя Мина, ты очень несправедливо обвиняешь меня, называя неаккуратной корреспонденткой: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было только вторым. Кроме того, мне нечего тебе сообщить. Право, ничего нет такого, что могло бы тебя заинтересовать. Теперь город оживился, мы посещаем картинные галереи, совершаем бесконечные прогулки по парку и катаемся верхом. Что же касается высокого кудрявого человека, то это, я думаю, тот самый, который был со мною последний раз на охоте. По-видимому, кому-то захотелось посплетничать! Этот молодой человек — некто мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, мама и он очень любят беседовать друг с другом; между ними много общего, и поэтому они находят массу тем для разговоров... Кстати, недавно мы встретились с одним господином, который был бы для тебя очень подходящей партией, если бы ты, конечно, не была уже невестой Джонатана. Он на редкость умен, по профессии — доктор. Как странно, что ему всего 29 лет, а между тем под его личным надзором находится уже громадная больница для душевнобольных. Нам его представил мистер Холмвуд; он теперь часто бывает у нас. Мне кажется, это чрезвычайно решительный человек с необыкновенным самообладанием. Он производит впечатление человека абсолютно непоколебимого; воображаю, какое влияние он оказывает на своих пациентов. Доктор нашел, что я представляю интересный для него психологический тип; при всей своей скромности я думаю, что он прав... Мина! мы с детства поверяли друг другу все наши секреты; мы вместе спали, вместе ели, вместе плакали и смеялись; и теперь, раз уж я заговорила, то хочу открыть тебе свою тайну. Мина! неужели ты не догадываешься? Я люблю Артура! Я краснею, когда пишу это, хотя надеюсь, что и он меня любит; но он мне этого еще не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! я люблю его! Ну вот, теперь мне стало легче. Как хотелось бы быть теперь с тобою, дорогая моя! Сидеть полураздетыми у камина, как мы, бывало, сидели; вот когда бы я подробно рассказала тебе, что я переживаю. Я не понимаю, как у меня хватило силы написать об этом даже тебе! Я боюсь перечитывать письмо, так как мне страшно хочется, чтобы ты все узнала. Отвечай мне сейчас же и скажи мне все, что ты об этом думаешь! Спокойной ночи, Мина! Помяни меня в твоих молитвах; помолись, Мина, за мое счастье.

Люси.

P. S. Мне, конечно, не нужно говорить тебе, что это тайна, Еще раз спокойной ночи.

А.

Письмо Люси Вестерн к Мине Мюррей

24 мая

Дорогая моя Мина!

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю за неожиданное письмо! Так было приятно, что я посвятила тебя в свои переживания и что ты так сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, а ведь правду говорит старая пословица: «не было ни гроша, а вдруг алтын!» 6 сентября мне минет 20 лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, а сегодня сразу три. Подумай только! Три предложения в один день. Не ужасно ли это! Из них два предложения меня прямо огорчили, нет, правда, мне положительно жаль этих двух бедняг. Мина! Дорогая! Я так счастлива! Я расскажу тебе о трех предложениях, но ты должна держать это в секрете, дорогая моя, от всех, кроме Джонатана. Ему ты, конечно, скажешь, так как, если бы я была на твоём месте, то, наверное, все говорила бы Артуру. Итак, дорогая моя, слушай: первый пришел как раз перед завтраком. Я уже говорила тебе о нем — это д-р Сьюард, главный врач психиатрической клиники. Он казался очень хладнокровным, но я все-таки заметила, что он нервничает. Он говорил, как я ему сделалась дорога, несмотря на короткий срок нашего знакомства; говорил, что я была бы для него нравственной поддержкой и радостью жизни. Затем он говорил мне о том, как будет несчастлив, если я не отвечу на его чувство; но когда увидел мои слезы, то сейчас же прервал разговор на эту тему, назвав себя животным и сказав, что ни в коем случае не желает меня больше тревожить. Прервав свои излияния, он спросил, не смогу ли я полюбить его в будущем; в ответ на это я отрицательно покачала головой; руки его задрожали; после некоторого колебания он спросил, не люблю ли я кого-нибудь другого. Я решила, что мой долг сказать ему правду. Услышав ответ, он встал и взяв обе мои руки в свои, сказал очень торжественным и серьезным тоном, что надеется, что я буду счастлива; кроме того, просил меня запомнить, что если мне понадобится друг, он при любых обстоятельствах будет к моим услугам. О, дорогая Мина, я не могу удержаться от слез, и ты должна простить мне, что это письмо испорчено пятнами. Конечно, очень приятно выслушивать предложения, все это очень мило, но ужасно горько видеть несчастного человека, который только что сказал тебе прямо и честно, что любит тебя — и уходит от тебя с разбитым сердцем. Дорогая моя, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, даже несмотря на то, что бесконечно счастлива.

Вечером.

Только что ушел Артур, и теперь я чувствую себя спокойнее, чем тогда, когда утром прервала это письмо; так что могу продолжать рас-

сказывать дальнейшее. Итак, дорогая моя, номер второй пришел после завтрака. Это американец из Техаса, очень славный малый, причем он до того молодо и свежо выглядит, что просто не верится его рассказам о путешествиях по стольким странам и о пережитых им приключениях. Мистер Квинси П. Моррис застал меня одну. Прежде всего я должна предупредить тебя, что мистер Моррис не всегда говорит на американском жаргоне — т. е. он слишком хорошо воспитан и образован, чтобы так разговаривать с чужими или при посторонних; но когда мы одни, в своем интимном кругу, то, думая меня этим развлечь, он страшно забавно болтает на своем потешном жаргоне и употребляет удивительно курьезные выражения; я думаю, он просто-напросто их выдумывает и вставляет во все свои речи; впрочем, это выходит у него очень удачно. Итак, слушай дальше: мистер Моррис уселся около меня жизнерадостный и веселый, как всегда, но заметно было, что и он нервничает. Он взял мою руку и нежно заговорил:

«Мисс Люси, я отлично знаю, что недостойн завязывать шнурки на ваших башимаках, но убежден, что если вы будете ждать, пока найдете достойного вас мужа, вам придется пойти и присоединиться к семи евангельским невестам со светильниками¹. Не хотите ли вы поковылять со мной рядом, пройти долгий мирской путь и вместе потянуть житейскую лямку?»

При этом он был так юмористически радостно настроен, что мне было гораздо легче отказать ему, чем д-ру Сьюарду; я ответила ему так ясно, как только сумела, что относительно ковыляния ничего не знаю, ничего не понимаю, вовсе не сокрушена и никаких лямок тянуть не желаю. Тогда он сказал, что ему все кажется очень ясно. Затем, дорогая моя, не успела я и слова сказать, как он разразился целым потоком любовных признаний, положив к моим ногам душу и сердце. На этот раз у него был такой серьезный вид, что я никогда больше не буду думать, будто беспечные мужчины всегда шутливы — нет, иногда они бывают и серьезны. Мне кажется, что он заме-

¹ В евангельской притче дев было десять (Мф: 25,1 — 10): «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взявши светильники свои, вышли на встречу жениху; из них пять было мудрых и пять неразумных; неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою масла; мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих; и как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: «вот, жених идет, выходите на встречу ему». Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: «дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут». А мудрые отвечали: «чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе». Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились».

тил что-то такое в моем выражении лица, что его задело за живое, так как он на минуту замолчал, а потом заговорил с еще большим жаром, с таким жаром, что за это одно я могла бы его полюбить, если бы мое сердце было свободно:

«Люси, вы девушка с чистым сердцем, я это знаю. Я бы не был здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если бы не знал, что вы прямая, смелая и правдивая до глубины души. Поэтому прошу вас сказать мне прямо, как честный человек сказал бы своему другу — есть ли у вас кто-нибудь в сердце, кого вы любите? Если есть, то даю слово никогда больше не касаться этого вопроса и остаться, если вы позволите, только вашим искренним другом».

«Да, я люблю другого, хотя он до сих пор еще не признавался мне в любви...». Я была права, что сказала ему все откровенно, так как после моего признания он как бы преобразился и, протянув руки, взял мои — кажется, я сама протянула их, — и очень сердечно произнес:

— Спасибо, мужественная девушка. Лучше опоздать, сделав предложение вам, чем вовремя выиграть сердце всякой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Не стоит из-за меня волноваться, я тверд и не пропаду, и стойко перенесу свою неудачу. Но если тот малый, не подозревающий о своем счастье, не скоро догадается о нем, то он будет иметь дело со мною. Маленькая деточка, ваша искренность и честность сделали меня вашим другом; имейте в виду, это встречается реже, чем возлюбленный; во всяком случае, друг менее эгоистичен. Дорогая! мне придется совершить довольно длинное, тоскливое путешествие, пока я не отправлюсь к праотцам, поэтому очень прошу подарить мне один поцелуй — это озарит мою мрачную жизнь; вы имеете право осчастливить меня им, конечно, если только захотите, дорогая, ведь тот замечательный малый — он должен быть замечательным, иначе вы бы его не полюбили — еще не делал вам предложения.

Этим он меня окончательно победил. Мина, ведь это было мужественно и нежно и благородно для соперника — не правда ли? И при том он был так опечален; я нагнулась к нему и поцеловала его.

Он поднялся, держа мои руки в своих и, когда посмотрел мне прямо в лицо, я ужасно покраснела; затем он сказал:

— Маленькая деточка, вот я держу ваши ручки, вы меня поцеловали; если после всего этого мы с вами не станем добрыми друзьями, то больше случая не представится. Благодарю вас за вашу нежность и честность по отношению ко мне и... до свидания.

Он выпустил мои руки, взял шляпу и, ни разу не оглянувшись, прямо прошел к двери, без слез, без колебаний и без волнений; а я

вот плачу как ребенок. Дорогая моя, я так взволнована, что не в состоянии писать о своем счастье сейчас же после того, что сообщила тебе; я не хочу говорить о номере третьем, пока не будет полного счастья. Вечно любящая тебя Люси.

Р. С. О номере третьем мне, верно, не нужно и сообщать тебе? Все произошло так беспорядочно; мне показалось, что все произошло в одно мгновение; по-моему, не успел он войти в комнату, как руки его схватили меня, и он покрыл меня поцелуями. Я очень, очень счастлива и положительно не знаю, чем я заслужила это счастье.

До свидания.

Дневник д-на Сьюарда

(записано фонографически)

25 апреля

Полное отсутствие аппетита. Не могу есть, не могу отдыхать, так что вместо всего — дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту; в моем нынешнем состоянии единственное облегчение — работа, поэтому я и отправился к своим больным. Особенно долго провозился с одним пациентом, который меня глубоко интересует: у него очень странные идеи*. Он до того не похож на обыкновенного сумасшедшего, что я твердо решил изучить его подробнее; сегодня мне удалось подойти ближе чем когда-либо к сущности его тайны. Я положительно забросал его вопросами, расспрашивал самым подробным образом обо всем с целью разузнать о всех причинах его галлюцинации; конечно, это было жестоко с моей стороны. Теперь я это вижу. Я как бы старался поймать центральную точку его ненормальности — вещь, которой я избегаю у других пациентов. Вот его curriculum vitae:

Р. М. Ренфилд, 59-ти лет. — Сангвинический темперамент¹; большая физическая сила; болезненно возбуждающийся; периодически подвергается припадкам черной меланхолии. Я думаю, сангвинический темперамент доведет пациента до полного умственного помешательства; возможно, что он опасен; даже очень вероятно, что это опасный, хотя и бескорыстный человек. Мой взгляд на это следующий: если «я» — точка помешательства, то центростремительная сила уравнивается центробежной; если дом или дело и т. п. — точка помешательства, то последняя сила преобладает и может уравниваться лишь каким-либо случаем или целой серией случаев.

¹ Сангвинический темперамент — один из четырех типов темперамента в классификации Гиппократова, отличающийся живостью и веселым нравом.

Письмо Квинси Морриса уважаемому Артуру Холмвуду

25 мая

Дорогой мой Арчи!

Мы рассказывали друг другу истории при бивуачном огне в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизах¹ и пили за наше общее здоровье на берегах Титикака². Теперь у нас найдется еще больше материала для рассказов, найдутся другие раны, которые нужно залечить, и есть за чье здоровье выпить. Не хотите ли вы прийти завтра вечером ко мне? Приглашаю вас, потому что наверное знаю, потому что вы завтра будете свободны, ибо мне известно, что одна леди приглашена на завтра к обеду. К нам присоединится только одно лицо — наш старый товарищ Джон Сьюард. Он тоже придет, и мы оба будем пить за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим и достойнейшим сердцем. Мы обещаем вам сердечный прием и любовь и будем пить только за ваше здоровье, в чем клянусь вашей правой рукой. Кроме того, мы готовы дать вам клятву, что доставим вас домой лично, если окажется, что вы выпили слишком за некую, известную вам, пару глаз. Итак, ждем вас.

Вечно и неизменно ваш *Квинси Моррис*.

Телеграмма от Артура Холмвуда Квинси П. Моррису

26 мая.

Рассчитывайте на меня во всяком случае. У меня есть новость, которая заставит вас развесить уши.

Арчи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дневник Мины Мюррей

24 июля. Уайтби

Люси встретила меня на вокзале, откуда мы поехали прямо к ним домой, в Кресшенд. Прелестная живописная местность. Ма-

¹ Острова в Тихом океане.

² Величайшее высокогорное озеро, находится в Андах.

ленькая речка Эск протекает здесь по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долина утопает в зелени, что придает необычайную красоту местности, причем берег реки так крут, что когда стоишь наверху, то долины совсем не видно. Дома в старом городе покрыты красными крышами и нагромождены один на другой, как на видах Нюрнберга. В самом конце над городом виднеются руины аббатства Уайтби, которое разорили датчане. Между руинами и городом виднеется приходская церковь, окруженная кладбищенской оградой, внутри которой много могил и памятников. Я нахожу, что это самое красивое место во всем Уайтби, так как оно находится как раз над городом, и отсюда прекрасный вид на гавань и бухту; здесь находится также и мыс Кетлес, который выдается далеко в море. Мыс так круто спускается в гавань, что часть берега сползла далеко за дорогу. В ограде расположены скамьи; здесь гуляет масса народу и просиживает целыми днями, любясь живописным видом и наслаждаясь прекрасным воздухом. Я сама буду очень часто приходить сюда и работать. Вот и сейчас я сижу здесь, держа свою тетрадь на коленях, и прислушиваюсь к разговору трех стариков, сидящих около меня. Они, кажется, по целым дням ничего не делают, сидят здесь и болтают.

Гавань расположена прямо подо мною, причем отдаленная сторона представляет собой гранитную стену, далеко выступающую в море, загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот с двух сторон окружен тяжелым водянистым массивом. С внутренней стороны он, изгибаясь, врезается в сушу и оканчивается у второго маяка. Между этими обоими молами находится узкий проход в гавань, которая гораздо шире прохода.

С наружной стороны гавани тянется почти на всем ее протяжении большой утес, длиной около полумили, острый край которого далеко выступает из-за южного маяка. У самого утеса находится бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся в дурную погоду ветром.

Сюда направляется довольно забавный старик! Он, вероятно, страшно стар, так как все его лицо испещрено морщинами, как кора дерева. Он сказал мне, что ему около ста лет и что он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии во времена битвы при Ватерлоо.

Я решила, что от него можно будет узнать много интересного, поэтому я спросила его, не захочет ли он рассказать мне что-нибудь о ловле китов в былые годы. Только он уселся, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть, и он немедленно поднялся, чтобы уйти, сказав:

— Я должен идти домой, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда у нее готов чай, а ведь мне потребуется немало времени, чтобы вскарабкаться по всем ступеням, их ведь много; да и я люблю, мисс, поесть вовремя.

Он заковылял прочь, и я видела, как он поспешно, насколько ему позволяли силы, начал спускаться по ступенькам.

Я тоже пойду сейчас домой. Люси с матерью пошли делать визиты, а так как они все чисто деловые, я с ними не пошла. Теперь-то они, я думаю, дома.

1 августа

Сегодня мы с Люси сидели опять на нашей любимой скамейке на кладбище. Вскоре к нам присоединился и старик. Он оказался большим скептиком и рассказал нам, что под могильными плитами кладбища вряд ли похоронены те лица, имена которых высечены на плитах, так как моряки по большей части гибнут в море. Люси очень расстроилась при мысли об этом пустом кладбище. Мы скоро ушли домой.

Позже.

Я вернулась сюда одна, так как мне очень грустно. Нет никаких писем. Надеюсь, что ничего не случилось с Джонатаном. Только что пробило 9. Я вижу, как город освещен рядами огоньков вдоль улиц, а иногда огоньки мелькают в одиночку. Огоньки бегут прямо вдоль реки Эск и по изгибу долины. По левую сторону вид как бы скрыт от меня черной линией — крышей соседнего с аббатством дома. Позади на полях слышно блеяние овец и ягнят, а внизу на мощеной дорожке раздается топот копыт осла. Оркестр на молу играет какой-то жестоким вальсом, а немного дальше на берегу армия спасения устроила митинг на одной из отдаленных улиц. Обе группы друг друга не слышат, я же вижу обе. Не имею понятия, где Джонатан может быть, и думает ли он обо мне. Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

Дневник доктора Сьюарда

5 июня

Ненормальность Ренфилда становится все интереснее. Некоторые черты характера у него особенно сильно развиты: эгоизм, скрытность, упрямство.

Хотел бы я понять основу последнего. У него как будто есть свой собственный, определенный план, но какой — еще не знаю. Его подкупающие качества — это любовь к животным, хотя, в сущности, она у него так странно выражается, что иногда мне кажется, будто он просто ненормально жесток с ними. Его ласки очень странного характера. Теперь, например, его конек — ловля мух. У него их сейчас такая масса, что мне пришлось сделать ему выговор. К моему изумлению, он не разразился бурей, как я этого ожидал, а посмотрел на это дело просто и серьезно. Немного подумав, он сказал: «Дайте мне три дня сроку — я их тогда уберу». Я согласился.

18 июня

Теперь у него страсть перешла к паукам; у него в коробке несколько очень крупных пауков. Он кормит их мухами и число последних очень заметно уменьшилось, несмотря на то что он употребляет массу времени для приманки мух со двора.

Я сказал ему сегодня, что он должен расстаться и с пауками. Так как это его очень огорчило, то я предложил ему уничтожить хотя бы часть их. Он радостно согласился с этим, и я дал ему на это опять тот же срок. Теперь, когда я к нему прихожу, он возбуждает во мне отвращение, так как недавно я видел, как к нему, жужжа, влетела страшная, жирная муха, наевшаяся вероятно какой-нибудь падали — он поймал ее и рассматривал, держа в пальцах и, раньше, чем я мог опомниться, взял ее в рот и съел. Я начал его бранить, но он преспокойно возразил мне, что это очень вкусно и здорово и что это придает ему жизни. Это и навело меня на мысль, или, вернее, это дало мне толчок следить за тем, каким образом он избавляется от своих пауков. У него, очевидно, большая задача на уме, так как он всегда держит при себе маленькую записную книжечку, куда то и дело вносит разные заметки. Целые страницы испещрены в ней множеством формул, состоящих по большей части из однозначных чисел, которые складываются, затем суммы их снова складываются, как будто он подводит какой-то итог.

8 июля

Мое основное предположение о какой-то системе в его сумасшествии подтверждается. Скоро, по-видимому, получится целая, стройная концепция. Я на несколько дней покинул своего пациента, так что теперь снова могу отметить перемены, которые за это время произошли. Все осталось как было, кроме разве того, что он отделался от некоторых своих причуд, но зато пристрастился к новым. Он как-то умудрился поймать воробья и отчасти уже приручил его к себе. Его способы приручения просты, так как пауков стало уже меньше. Оставшиеся, однако, хорошо откормлены, так как он все еще добывает мух, заманивая их к себе.

19 июля

Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целая колония воробьев, а от пауков и мух почти что следов не осталось. Когда я вошел в комнату, он подбежал ко мне и сказал, что у него ко мне большая просьба — «очень, очень большая просьба», при этом он ласкался ко мне, как собака. Я спросил его, в чем дело. Тогда он с каким-то упоением промолвил: «котенка, маленького, хорошенького, гладкого, живого, с которым можно играть и учить его и кормить, и кормить — и кормить». Не могу сказать, чтобы я не был подготовлен к этой просьбе, так как я уже заметил, до чего быстро его при-

чуды прогрессировали в размере, но я не верил, чтобы целое семейство прирученных воробьев могло быть уничтожено таким же способом, как мухи и пауки, так что я обещал ему поискать котенка и спросил, не хочет ли он лучше кошку, чем котенка. Он выдал себя:

— О да, конечно, мне хотелось бы кошку, но я просил только котенка, боясь, что в кошке вы мне откажете.

Я кивнул головою, сказав, что сейчас, пожалуй, не будет возможности достать кошку, но я поищу. Тут его лицо омрачилось, и в глазах появилось опасное выражение — выражение внезапно вспыхнувшего гнева, косой взгляд, выражавший жажду убийства. Этот человек — просто человекоубийственный маньяк.

20 июля

Посетил Ренфилда очень рано, до того еще, как служитель сделал обход. Застал его вставшим и напевающим какую-то песню. Он сыпал сбереженные им крошки сахара на окошко и вновь принялся за ловлю мух, причем делал это весело и добродушно. Я оглянулся в поисках его птиц и, не найдя их нигде, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что они все улетели. В комнате было несколько птичьих перьев, а на подушке его виднелась капля крови. Я ничего не сказал ему и, уходя, поручил служителю донести мне, если в течение дня с Ренфилдом произойдет что-нибудь странное.

11 часов дня

Служитель только что приходил ко мне сообщить, что Ренфилд был очень болен и что его рвало перьями. «По-моему, доктор, — сказал он, — он съел своих птиц — просто брал их и глотал живьем».

11 часов вечера

Я дал Ренфилду сильную дозу наркотика и забрал у него его записную книжку, чтобы рассмотреть ее. Мысль, которая меня последнее время занимала, теперь оправдалась. Мой смертоносный пациент — маньяк особого типа. Мне придется придумать новую классификацию и назвать его зоофагус (жизнь пожирающий маньяк); он жаждет истребить как можно больше жизни, и он решил выполнить это в восходящем порядке. Он дал несколько мух на съедение одному пауку, несколько пауков одной птице и потом захотел кошку, чтобы та съела птиц. Что было бы его последней ступенью? Стоило бы, пожалуй, продолжать опыт. Это можно было бы, если бы для этого нашлось достаточно оснований. Люди смеются над вивисекцией¹, а вот, посмотрите, каких результатов она достигла. Почему же не по-

¹ Вивисекция, живосечение (от лат. vivus — живой и sectio — рассечение) — проведение хирургических операций над живым животным с целью исследования функций организма (либо извлечённых отдельных органов), изучения механизмов

догнать науку и не довести ее до самого трудного в жизни: до знания мозга. Зная тайну хотя бы одной из этих отраслей, зная источник фантазии хотя бы одного сумасшедшего, я привел бы всю эту отрасль знания к такой точке, что сравнительно с нею физиология Берден Сандерсона или же «о мозге Фельера» казались бы ничтожеством. Лишь бы было достаточно оснований. Но не следует часто предаваться этим мыслям, иначе искушение будет слишком сильно; хорошее побуждение может победить во мне здравый смысл, так как возможно, что и я тоже человек с особенно устроенным мозгом.

Как хорошо этот человек рассуждал! Ненормальный всегда исходит из своей собственной цели. Хотел бы я знать, во сколько он ценит человеческую жизнь?

Дневник Мины Мюррей

26 июля

Я очень беспокоюсь, и единственное, что на меня благотворно действует, возможность высказаться в своем дневнике; в нем я как будто изливаю свою душу и одновременно слушаю сама себя. Я получила, наконец, весточку от Джонатана. Послание заключается в одной строчке и в ней сообщается, что Джонатан только что выехал домой. Это не похоже на Джонатана. Я не понимаю этой краткости, и она меня беспокоит. Да тут еще Люси, несмотря на совершенно здоровый вид, снова принялась за свою прежнюю привычку ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей спальни на ключ. Миссис Вестерн вообразила, что лунатики всегда ходят по крышам домов и по краям утесов, а затем внезапно пробуждаются и с раздирающим душу криком, который эхом разносится по всей окрестности, падают вниз. Она боится за дочь и говорит, что это у нее наследственная привычка от отца. Осенью свадьба Люси, и она уже теперь мечтает о том, как все устроит у себя в доме. Я очень сочувствую ей, так как у меня те же мечты, но только нам с Джонатаном предстоит вступить в новую жизнь на очень скромных началах, и мне придется с трудом сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, вернее, высокочтимый сэр Артур Холмвуд — единственный сын лорда Холмвуда — придет сюда как только сможет покинуть город. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси наверное считает дни до его приезда. Ей хочется свести его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уайтби. Я убеждена, что из-за это-

действия лекарственных средств, разработки методов хирургического лечения или же в образовательных целях.

Иллюстрации для подарочного издания 1916 года.

Художник — Эдгар Альфред Холлоуэй.

«...Милая Люси наверное считает дни до его приезда. Ей хочется свести его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уайтби...»

го ожидания она так и волнуется. Она, наверное, совершенно поправится, как только он приедет.

27 июля

Никаких известий о Джонатане. Очень беспокоюсь о нем, хотя, собственно, не знаю, почему: хорошо было бы, если бы он написал хоть одну строчку. Люси страдает лунатизмом больше, чем когда-либо, и я каждую ночь просыпаюсь от ее хождения по комнате. К счастью, так жарко, что она не может простудиться, но все-таки мое беспокойство и вынужденная бессонница дают себя знать. Я стала нервной и плохо сплю. Слава Богу, что хоть в остальном она совершенно здорова.

3 августа

Еще неделя прошла, и никаких известий от Джонатана, и даже мистер Хокинс ничего не знает. Но я надеюсь, что он не болен, иначе, наверное, написал бы. Я перечитываю его последнее письмо, но оно меня не удовлетворяет. Оно как-то непохоже на Джонатана, хотя почерк несомненно его. В этом не может быть никакого сомнения. Люси не особенно много разгуливала по ночам последнюю неделю, но с ней происходит что-то странное, чего я даже не понимаю: она как будто следит за мною, даже во сне; пробует двери и когда находит их запертыми, ищет по всей комнате ключи.

6 августа

Снова прошло три дня без всяких известий. Это молчание становится положительно невыносимым. Если бы я только знала, куда писать или куда поехать, я бы чувствовала себя гораздо лучше; но никто ничего не слышал о Джонатане после его последнего письма. Я должна только молить Бога о терпении. Люси еще более возбуждена чем раньше, но в общем здорова. Вчера ночью погода стала очень бурной, и рыбаки говорят, что ожидается шторм. Сегодня пасмурно, и небо заволокло большими тучами, высоко стоящими над Кэтлнесом. Все предметы серы, исключая зеленую траву, напоминающую изумруд. Море, окутанное надвигающимся туманом, перекидывается с ревом через отмели и прибрежные камни. Тучи висят, как исполинские скалы, и в природе слышится голос приближающегося рока. На морском берегу виднеются тут и там черные движущиеся в тумане фигуры. Рыбачьи лодки спешат домой; влетая в гавань, они то появляются, то снова исчезают в бешеном прибое волн. Вот идет старик Свэлз. Он направляется прямо ко мне, и по тому, как он мне кланяется, я вижу, что он хочет со мной поговорить...